

О ЖИЗНИ МОИСЕЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ, ИЛИ О СОВЕРШЕНСТВЕ В ДОБРОДЕТЕЛИ

Что испытывают на себе охотники смотреть на конские ристалища; о ком из состязающихся в скорости бега заботятся они, хотя бы у того не было ни малого недостатка в усердии ускорить бег, из заботливости однако же об его победе подают ему голос сверху, следя за ним глазами по всему поприщу, и увеличивают (по их мнению) стремительность ездока, крича в тоже время на коней, протягивая к ним руки и махая ими: а все это делают не потому, что сим действительно способствуют победе, но чтобы из благорасположения к состязающимся в жару усердия и голосом и телодвижениями выразить свою заботливость: подобное нечто, кажется, делаю и я с тобою, дражайший для меня из друзей и братьев, потому что, когда ты прекрасно подвизаешься в божественном течении на поприще добродетели, частыми и легкими скачками стремишься достигнуть почести высшего звания (Флп. 3,14), и голос подаю тебе, и побуждаю тебя поспешать, и прошу заботливо усилить скорость. Делаю же, не каким либо неразумным усердием движимый к этому, но, как возлюбленному чаду, желая доставить тебе удовольствие. Поскольку письмо, недавно тобою присланное, сообщило мне это прошение, чтобы дали мы тебе какое либо правило для совершенной жизни; то признаю я приличным удовлетворить сему. Хотя иное в сказанном не будет, может быть, и сколько-нибудь для тебя полезным; однако же не останется, конечно, бесполезным то самое, что послужу для тебя примером благопокорности. Если мы, поставленные заменять собою отцов для стольких душ, признаем приличным для этих седин принять приказ целомудрствующем юности; то тем паче естественно в тебе преимуществовать преспеянию в благопокорности, когда юность твоя под руководством нашим обучается добровольному послушанию. И о сем довольно. Время уже приступить к предположенному, призвав Бога быть наставником в слове.

Просил ты меня, любезная глава, описать тебе, какая жизнь совершенна, – просил, имея в виду, конечно, познать, каким образом, если в слове найдено будет искомое, указанные черты совершенства прилагать к собственной своей жизни. А я равно не силен в том и другом, и утверждаю, что, как объять умом совершенство, так и показать в жизни, что мог бы постигнуть ум, – выше моих сил. А, может быть, не я один, но и многие из великих и преимуществующих в добродетели сознаются, что подобное дело и для них недоступно. Но чтобы не подать мысли, будто бы, говоря словами Псалмопевца, там убоятся они страха, [где нет страха,] (Пс. 13,5); яснее представляю тебе свою мысль.

Совершенство во всем другом, что измеряется чувством, ограничивается какими-либо известными пределами, например относительно к количеству, будет ли это чем непрерывным и раздельным. Ибо всякая мера количества объемлется своими какими либо пределами, и кто видит локоть, или число десять, тот знает, чем начинается, и чем кончается, то, в чем должно заключаться совершенство. О добродетели же познаем мы от Апостола, что у нее один предел совершенства – не иметь самого предела. Ибо сам, сильный и высокий разумом, божественный Апостол, в течении своем поприщем добродетели, никогда не останавливался, простираясь вперед (Флп. 3,13), потому что не безопасна ему была остановка в сем течении. Почему же? Потому что всякое добро по природе своей не имеет предела; ограничивается же приближением к противоположному; например: жизнь – к смерти, свет – ко тьме. И вообще всякое добро оканчивается всем тем, что представляем себе противоположным добру. Как конец жизни есть начало смерти; так и остановка в течении поприщем добродетели делается началом течения по пути порока. Посему не лжет наше слово, утверждая, что в добродетели достижение совершенства невозможно.

По крайней мере им доказано, что заключающееся в пределах еще не добродетель. Поскольку же сказал я, что и ведущим добродетельную жизнь невозможно достигнуть совершенства; то слово о сем объяснено будет так. Первоначально и в собственном смысле добро, что естеством своим имеет благость: это Само Божество, которое, чем умопредставляется по естеству, то действительно и есть, тем и именуется. Посему, так как доказано, что нет иного предела добродетели, кроме порока: а Божество не допускает противоположного: то следует, что естество Божие неограниченно и беспредельно. Но идущий путем истинной добродетели не иного чего причастен, как Самого Бога; потому что Он есть всесовершенная добродетель. Итак, поскольку знающим то, что по естеству прекрасно, непременно вождедено причастие сего; а оно не имеет предела: то по необходимости вождеделение причащающегося, простираясь в беспредельность, не имеет остановки. Поэтому всеконечно нет средств достичь совершенного; потому что

совершенство, по сказанному, не объемлется пределами, у добродетели же один предел – беспредельность. Как же кому дойти до искомого предела, не находя самого предела?

Впрочем, потому что, как доказало слово, искомое вовсе не достижимо, не должно нерадеть о заповеди Господней, которая говорит: будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный (Мф. 5,48) В том, что прекрасно по естеству, хотя и не возможно улучшить все, для имеющих ум великая выгода не остаться не улучившим и части. Посему должно прилагать все тщание о том, чтобы не вовсе лишиться возможного совершенства, но столько приобрести оно, сколько успеем узнать искомое. Ибо, может быть, иметь у себя прекрасное для того, чтобы всегда желать, приобрести его еще больше, – есть уже совершенство человеческой природы.

Прекрасным мне кажется делом, советником в этом употребить Писание. Ибо негде в пророчестве Исаии говорит Божий глас: посмотрите на Авраама отца вашего, и на Сарру родившую вас (Ис. 51,2). Конечно же повеление такое дает слово блуждающим вне пути добродетели, чтобы, как на море унесенные с прямого пути, ведущего к пристани, исправляют ошибочное свое направление по усмотренному знаку, увидев поднимающийся с высокого места вверх пламенный, или открывшуюся вершину какой-либо горной высоты; подобно сему примером Сарры и Авраама направили снова путь свой в пристань Божией воли те, которые блуждают по житейскому морю с утратившим кормило умом. Поскольку человеческое естество делится на мужеский пол и женский, и обоим равно предоставлено во власть избрание пути к добродетели и к пороку: то каждому отделу Божиим словом указан поэтому соответственный образец добродетели, чтобы те и другие, взирая на сродное им: мужи на Авраама, а другая часть на Сарру, оба пола по свойственным им образцам направлялись к жизни добродетельной. Посему, может быть, достаточно для нас будет памяти одного какого либо мужа, благоискусного по жизни, чтобы послужить пламенником и показать, как можно в отверстую пристань добродетели ввести душу, не дав ей испытать невзгод среди обуреваний житейских и потерпеть крушение в пучине порока от непрерывного тревожения страстей. Для того-то, вероятно, и представляется историею во всей точности образ жизни высоких мужей, чтобы подражанием их преспеянием последующая наша жизнь была направлена к добру.

Итак что же, спросит иной, если я не Халдей, как упоминается об Аврааме, и не воспитанник дочери царя египетского, как говорится в Писании о Моисее, и вообще в подобном сему по жизни не имею ничего сходного с кем либо из древних; то как же поставлю себя в один ряд с одним из них, не имея и возможности в своих занятиях подражать человеку, столько от меня отдаленному? На сие скажем вопрошающему: быть Халдеем не признаем пороком, или добродетелью; не жизнью в Египте, не пребыванием в Вавилоне человек делается далеким от жизни добродетельной. А также не во Иудее только бывает ведом Бог достойным, и не Сион один, как можно подумать с первого взгляда, есть Божие жилище (Пс. 75,1.2). Напротив того нам потребны некое более тонкое разумение и более острый взор, чтобы усмотреть из истории, от каких Халдеев или Египтян держа себя вдали, и от какого Вавилонского освободившись плена, взойдем на высоту блаженной жизни.

Посему образцом жизни для нас пусть будет в сем слове представлены Моисей, которого жизнь изобразив сперва кратко, как познали ее из Божественного Писания, потом поищем приличного истории смысла к извлечению правил добродетели, чтобы по ним познать совершенную жизнь, которая доступна людям.

Итак повествуется, что Моисей родился, когда закон мучителя запрещал оставаться в живых рождающимся мужеского пола младенцам: но он приятностью своего лица предупредил всякое требовавшееся временем пожертвование, и родителей, еще в пеленах увидевших его лета (Исх. 2,2), побудил к тому, что не поспешили такого младенца предать смерти, и даже, когда превозмогла угроза мучителя, не просто ввергли в воды Нила, но положив в некий ковчег, по пазам помазанный клеем и смолою, потом уже предали потоку (сие рассказано тщательно написанными о нем историею). Поскольку же ковчегом правила Божия некая сила, то он устремлен к возвышающемуся на стороне берегу, и в этом месте беспрепятственно прибит к нему стремлением волн. А как на луга того берега, куда был принесен ковчег, пришла царская дочь; то Моисей, издав младенческий вопль в ковчеге, делается находкою царевны. Когда посмотрела на него царевна, и увидела красоту младенца, немедленно привлек он благорасположение царевны, и взят ею вместо сына. Но оказав естественное отвращение к иноплеменному сосцу, по примыслению одной из близких по роду, был вскормлен матернею грудью. А вышедши уже из детского возраста, питался царскою пищею, и обучен был внешним наукам, что почиталось славным у внешних, не решился же пользоваться тем доле, и признавать матерью эту вымышленную, у которой был он вместо сына, но пожелал возвратиться опять к родной своей

матери и жить среди соплеменников.

У одного Еврея завязалась борьба с Египтянином, Моисей стоит за своего, и умерщвляет иноплеменника. Потом, схватываются друг с другом два какие-то Еврея, Моисей пытается усмирить в них этот враждебный дух; подает совет вести себя, как братьям, и посредником в ссорах делать не раздражительность, а природу. Но отвергнутый тем, у кого в виду была только обида, Моисей бесчестие сие обратил в повод к большему любомудрию; и удалившись от пребывания в многолюдном обществе, избрал после этого уединенную жизнь, вступив в связи с одним из иноплеменников – мужем прозирающим в лучшее, осмотрительным в суждении о людских нравах и жизни, и который из одного поступка, разумею дело с пастухами, усмотрел добродетель юного, а именно, что стал за правду, имея в виду не свою пользу, но признавая самую правду по собственной ее природе достойною уважения, наказал неправду пастухов, ничем не провинившихся пред ним. И сей-то иноплеменник, подивившись Моисею, и добродетель его при видимой бедности признав более уважительною, нежели многоценное богатство, отдает ему в супружество дочь, и предоставляет его произволу вести, какую угодно, жизнь. И ему, уединенно в пустыне занятому попечением об овцах, нравилась эта на горах уединенная, свободная от всякого торжищного шума, жизнь.

Довольно проведено времени в таком роде жизни, говорит история, и было Моисею страшное богоявление: в самый полдень облистал его взоры другой свет паче света солнечного. Изумленный необычайностью зрелища, Моисей обращает взор к горе, и видит куст, в котором горел пламень огненный, а ветви куста, как под росую, зеленели во пламени; и Моисей сам себе изрекает сии слова: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает (Исх. 3,3). Сказав же сие, не одними уже очами воспримлет чудный свет; но, что всего необычайнее, и слух его озаряется лучами сего света. Уделившаяся обоим чувствам благодать света, взоры озаряет блистаниями лучей, а слух просвещает чистыми догматами. Обремененному мертвыми кожами своей обуви Моисею глас оногo света воспрещает подходить к горе, позволяет же сними обувь твою с ног твоих, потом уже касаться оной земли, осияваемой Божественным светом (Исх. 3,5).

При этом (ибо не надобно, думаю, слишком много останавливаться словом на простой истории сего мужа, как бы достигалось уже тем предположенное), – Моисей, укрепленный виденным богоявлением, получает повеление избавить соплеменников от египетского рабства. И чтобы более ему познать сообщаемую свыше силу, по Божию повелению, делает опыт над тем, что у него в руках. Опыт же был следующий: жезл, падши из руки, одушевляется, делается живым существом (и это живое существо был змий), но взятый в руку опять, становится тем, чем был до превращения в зверя. И поверхность руки, сперва вложенной в недра, превращается в нечто подобное белизною снегу, а когда снова вложена была в недра, возвращает себе естественный вид.

Идет Моисей в Египет, ведет с собою супругу иноплеменницу и рожденных ею детей, – и когда, как повествуется, встретил его Господь (Исх. 4,24), приводящий в страх угрозою смерти, жена умилоствует его сыновнею кровью обрезания; тогда происходит встреча с Аароном, который Богом также побужден был идти во сретенье (27). Потом оба они живущий в Египте народ созывают в общее собрание, и тем, которые злострадали, утружденные работами, возвещают освобождение от рабства, и самому мучителю изрекается о сем слово. При сем негодование мучителя, и на приставников, надзирающих за работами, и на самих Израильтян, делается большим прежнего; урок плинфоделания увеличен, насылается еще более затрудняющий приказ не над брением только не видеть себе покоя, но изнурять себя собиранием плев соломы (Исх. 5,12). Фараон (так было имя мучителю египетскому) тем знамениям, какие Моисей совершал Божьею силою, предприимлет ухищренно противопоставить чародеяния волхвов: и когда Моисей в глазах Египтян снова превратил жезл свой в зверя, чародейство думало совершить равное чудо и над жезлами волхвов. Сие ухищрение обличено тем, что совершилось; змий, из превращенного Моисеева жезла, пожрал посохи у волхвов, то есть, их

змиев: и тем показал, что жезлы волхвов не имели никакой, ни оборонительной, ни даже жизненной силы, кроме одного вида, какой ухищренное чародейство показывало глазам легко обольщаемых.

Тогда Моисей, видя, что единомысленно с предводителем злобы все ему подвластное, наносит общий удар всему египетскому народу, никого не изъемя из числа испытывающих бедствие. А с ним к таковому нападению на Египтян, как подвластное какое воинство, подвиглись самые стихии существ, видимые во вселенной: и земля, и огонь, и воздух, и вода, по произволению людей изменяя свои действительные силы. Ибо одною и тою же силою, в одно и тоже время, и в одном и том

же месте наказываемо было бесчине, а не страждущим оставалось свободное от греха. Тогда все водное естество в Египте, по повелению Моисея, обратилось в кровь, так что и рыбы от сего преложения воды в плотскую дебелость подверглись порче: для одних только почерпающих Евреев кровь была водою; почему и чародейству открылась возможность воде, находимой ими у Евреев, ухищренно придавать кровавый вид. А также, когда пресмыкающиеся жабы наполнили Египет (народение их объясняемое не по какой-либо естественной последовательности не простерлось бы до толикого множества, напротив того самое повеление составиться жабам обновляло сию появившуюся тогда породу живых тварей); все египетское терпело вред, утесняемое в жилищах этими пресмыкающимися, а жизнь Евреев была свободна от сей неприятности. Так и воздух, ночь и день, ничем не различался для Египтян, пребывающих в одинаковом мраке; а у Евреев в этом не было никакой перемены против обыкновенного. Таким же образом и все иное: град, огонь, струпы, скнипы, песьи мухи, туча саранчи, – на Египтян каждое сие бедствие действовало по обыкновению; а Евреи по слухам и рассказам знали о страдании обитающих с ними, сами не испытывая никакого приражения к себе подобных зол. Потом гибель первородных производит еще более точное различие между Евреем и Египтянином, – Египтяне обливаются слезами при утрате им любезнейших, а Евреи пребывают в совершенном безмолвии и в безопасности; – им обезопасно спасение изливанием крови во всяком входе, когда на обоих косяках и на сопряженной с ними перекладине сделаны были знамена кровью (Исх. 12,7).

При сем, когда Египтяне поражены были несчастьем, постигшим первородных, и каждый свое, и все общее оплакивали горе, Моисей распоряжается исшествием Израильтян, предуготовив их к тому повелением, унести с собою под видом займа испрошенное богатство Египтян. Совершен трехдневный путь вне Египта, говорит еще история, и тяжело стало царю египетскому, что Израиль уже не в рабстве; и вооружив всех подданных, с конною силою гонится он за народом Божиим. Израильтяне, увидев снаряженных коней и множество оружия, как неискусные в войне и не приготовленные к таким чудным для них делам, немедленно поражаются страхом, и восстают на Моисея. Тогда-то, что всего удивительнее, как сказует история о Моисее, делясь на двое в своей деятельности, он голосом и словом ободряет Израильтян, и повелевает пребывать им в доброй надежде, а внутренне умом приносить Богу моление за приведенных в ужас. И путеводится свыше данным советом, как избежать опасности; Сам Бог (как говорит история) внимает его безмолвному воплю (Исх. 14,15).

По Божией силе народом предводительствовало облако, не по общему закону естества образовавшееся (ибо не из паров каких или курений был состав его в воздухе, сгущаемом парами по причине туманного их сложения, сгнетаемого или сжигаемого в себя самого ветрами); напротив того это облако, по свидетельству Писания, как нечто высшее человеческого понятия и его превосходящее, такое было чудо, что освещаемое палящими лучами солнца служило народу стеною, оттеняя что было над ним и тонкою росой увлаживая знойный воздух, а ночью обращалось в огонь, с вечера до утра собственным своим светом озаряя Израильтян. На сие-то облако взирал и сам Моисей, и народ научал следовать за его появлением.

Когда пришли к Чермному морю, куда привело предводившее в шествии облако: народ окружен был сзади целым войском египетским; Израильтянам не оставалось никакого средства, РИ некуда было бежать от беды, потому что захваченным в середине угрожали и враги и вода; тогда-то, подвигнутый Божьею силою, Моисей совершил то, что всего невероятнее. Приблизясь берегом к воде, поражает он море жезлом, и оно делится от удара. И как обыкновенно бывает со стеклом, если в какой части сделается сверху трещина, то по прямой черте идет она и до другого края: так и по всему морю, как скоро с одного края разделилось оно под жезлом, и до противоположного берега продолжалось расторжение волн. Моисей по мере того, как делилось море, сходя в глубине со всем народом ниже вод, с немокренным, как бы от солнечных лучей осушаемым, телом, пеший по сухому дну моря проходит бездну, не боится этого внезапного остенения из волн, когда здесь и там с обеих сторон морская вода отвердевает на подобие стены. Когда же и Фараон с Египтянами вторгся в море, по этому новопроложенному в водах пути опять сливается вода с водою, и по взаимном соединении разделенных частей моря в прежний вид, воды принимают одну непрерывную поверхность. Израильтяне отдохнули уже на краю берега от длинного и усиленного шествия по морю, когда воспели победную песнь Богу, воздвигшему тогда для них бескровный победный памятник, по истреблении под водою всего египетского воинства и даже с конями, с оружием и колесницами.

Потом Моисей простирается вперед, и совершив трехдневный безводный путь, приходит в затруднение, не имея, чем утолить жажду ополчения. Было какое-то озеро, при котором расположились они станом, но вода в нем морская, лучше же сказать, и морскую превосходила она горечью. Итак, когда стоя при воде сгорали жаждою воды, Моисей, по данному свыше совету,

близ этого места нашедши некое дерево, ввергает его в воду. И вода немедленно делается годною к питью; дерево своею силою претворяет свойство воды из горечи в сладость. Поскольку же облако пошло вперед: то пошли и они путеводимые его движением, как и всегда делали это, прекращая шествие, где остановившееся облако давало знак к отдохновению, и опять отправляясь в путь, когда облако предваряло их в шествии. Следуя сему путеводителю, достигают места изобильного годною для питья водою, в избытке омываемого двенадцатью источниками. Было тут семьдесят Финиковых деревьев, которых и при малом числе достаточно было, чтобы чрезвычайною их красотою и величиною произвести великое удивление в зрителях. И отсюда также путеводное облако, воздвигнув ополчение, ведет его в другое место. А это была какая-то пустыня на сухом, ничем не покрытом песке, в стране не орошаемой никакою водною влагой: и там опять, когда народ стала томить жажда, некий камень, ударенный Моисеевым жезлом в его вершину, издает сладкую и годную для питья воду в обилии, превышающем потребность многочисленного народа.

Вот оскудел запас снедей, какой заготовили Израильтяне на путь, выходя из Египта, народ стал мучиться голодом; тогда происходит чудо всех чудес невероятнейшее: не из земли, по общему закону, является им пища, но исходит свыше с неба на подобие росы. К утру разливалась у них роса, и эта роса для собирающих делалась пищею; потому что разлитое не водяная была капля, как обыкновенно в росе; но вместо капель падали какие-то, как бы ледяные, округленные куски, по виду походившие на кориандровые семена (по выговору поселян: колиандровы), но вкус их уподоблялся сладости меда. В этом чуде усматривалось вместе и другое, – все выходившие для сбора, в разных, как вероятно, возрастах и при разных силах, приносили один другого не меньше по разности сил, напротив того собираемое соразмерялось с потребностью каждого, так что и сильнейший не имел у себя избытка, и у менее сильного не оказывалось недостатка. Опять и при этом история говорит еще о другом чуде, – и именно: каждый, принеся на день, ничего не откладывал до следующего дня; у спрятавшего же, по какой-то бережливости, часть пищи от настоящего дня к следующему, отложенное делалось негодным в пищу, претворяясь в червей. Но есть и другое нечто необычайное в истории об этой пище. Поскольку один из дней седмицы, по какому-то таинственному закону, почтен был бездействием, то в день предшествующий оному, и пищи выпадало с прежними днями в равной мере, и усердие собирающих бывало одинаковое, но собранного оказывалось вдвое против обычной меры, так что не было предлога, по необходимости в пище, нарушать закон о бездействии. И в этом еще более выказывалась Божия сила тем, что излишек, в другие дни делавшийся негодным к употреблению, в один пяток, день пред субботою (так было имя дню бездействия), будучи сбережен, оставался не повредившимся так, что оставшееся оказывалось свежим, как бы выпавшее в тот же день.

Потом у Израильтян начинается война с неким иноплеменным народом (Писание восставших тогда на них именует Амаликитянами). И в сие-то время народ израильский в первый раз вооружается, чтобы стать в боевой порядок, впрочем не все, составив одно воинство, но избранные по доблести подвиглись в битву, да и из них самые отборные вступили в сражение, на котором Моисей показал опять новый способ военачальства; потому что войско против Амаликитян вывел тогда Иисус, бывший после Моисея вождем народа, а Моисей вне поля сражения на одном видном издали холме возводит взор к небу, по обе же его стороны стоят два близких ему человека. Тогда-то, как узнаем из истории, совершилось такое чудо: и когда Моисей поднимал руки свои к небу, подвластные ему усиливались против врагов, когда же опускал, войско его уступало стремительности иноплеменников (Исх. 17,11). Заметив это, предстоящие Моисею, подошедши к нему с обеих сторон, поддерживали руки его, по какой-то сокровенной причине делавшиеся тяжелыми и неудободвижными. Поскольку же не было у них столько сил, чтобы поддерживать Моисея в прямом положении; то седалище его подперли камнем, и таким образом сделали, что у Моисея, при их помощи, руки воздвигнуты были к небу: и иноплеменники решительно побеждены Израильтянами.

Но как на том же месте оставалось облако, предводительствовавшее народом в путешествии: то по всей необходимости народу надлежало не трогаться с места, потому что некому было предводительствовать при переходе в другое место. Так без всяких усилий были у них удобства к жизни: свыше воздух дождил им готовый хлеб, а в низу камень доставлял питание, и облако избавляло от неприятности воздушных перемен, днем служило ограждением от зноя, а ночью рассевало мрак, осиявая какими-то огневидными лучами; беспечально было для них это пребывание в пустыне при подошве горы, где раскинут был стан. Здесь-то Моисей наставлял Израильтян какому-то неизреченному таинству; сама же сила Божия превосходящими слово чудесами тайноводствовала и весь народ и самого вожда. А тайноводство сие совершилось сим образом.

Наперед сказано народу быть далеким от всяких других осквернений, какие примечаются по телу и по душе, и очистить себя некими кроплениями, даже определенное некое число дней воздерживаться от самого брака, чтобы сподобляющийся таинству, омывшись от всего страстного и телесного, приступил к горе чистым от страсти. Имя горе сей было Синай. И восхождение на нее в это время дозволено было одним существам словесным, и из них одному мужескому полу, и притом очистившимся от всякой скверны. Употреблены же всякая осторожность и предусмотрительность, чтобы ни одно бессловесное не всходило на гору. А если бы случилось как это, было повелено народу побивать камнями все, что ни появилось бы на горе из естества бессловесного. Потом разлитый в воздухе свет вместо чистой прозрачности начал очерняться мглою, так что гора, вокруг обьятая мраком, стала невидима. Появлявшийся из мрака огонь делал видение для зрителей страшным, объем горы представлялся со всех сторон поглощенным, и все видимое, в след за промелькнувшим огнем, покрывалось дымом. Моисей же ведет народ к восхождению, и сам, несмело взирая на видимое, но изумевая душою от боязни, содрогаясь телом от страха: так что не скрывает пред Израильтянами душевного страдания, но признается пред ними, сколько поражен видимым, и трепещет телом. Ибо видимое было таково, что не посредством только глаз приводило душу в ужас, но и посредством слуха сообщало ей страшное, все долнее сокрушал поразительный свыше глас, которого и первое приражение было тягостно и невыносимо всякому слуху: он уподоблялся звуку труб, но грозною и поразительною звучностью превосходил всякий подобный образец; с продолжением же времени глас делался еще страшнее, потому что звук его непрестанно усиливался, и становился еще более поразительным. Да и глас сей был членораздельный, Божьею силою, без способствующих выговору орудий, самый воздух членораздельно образовал в себе слово. И слово сие непросто было членораздельное; но узаконивало Божественные повеления. И продолжающийся глас возрастая усиливался, труба звучала громче себя самой, предшествующие звуки превосходя всегда последующими.

Весь народ не имел столько сил, чтобы выносить видимое и слышимое; и потому общее всеми приносится прошение Моисею, чтобы он стал посредником закона, и народ не отказывается, как Божию велению, верить всему, что ни возвестит Моисей по научению свыше. Посему снова все сходят к подошве горы, оставлен один Моисей, показавший в себе противное, или то, чем был он действительно. Ибо когда все, сообщая участвуя в деле, предаются паче страху, Моисей, оставшись один, поступает смелее окружавших его. Почему и из этого делается явным, что не собственно его немощью был тот страх, который обьял его в начале, но потерпел он это по сочувствию с пораженными страхом. Посему когда, как некое бремя, сложив с себя боязнь народа, пришел он в себя; тогда осмеливается вступить и в самый мрак, и пребывает внутри незримого, став уже невидимым для взирающих на него (ибо, проникнув в неискренность Божественного тайноводства, там, и сам уже незримый, сопребывает с Незримым). А тем, что сделано им, научает он, как думаю, что намеревающемуся быть в единении с Богом, должно выйти из всего видимого, напрягая разумение свое к Незримому и Непостижимому, как бы к какой вершине горы, уверовать, что Божество – там, куда не восходит понятие. В сем-то состоянии Моисей приемлет заповеди Божии. И они были – учение добродетели, сущность которого – благочестие, усвоение самых приличных представлений об Естестве Божиим, о том, сколько Оно превышает всякого доступного разуму понятия и образца, не уподобляясь ничему познаваемому. Ибо Писание в представлениях о Боге повелевает не иметь в виду ничего умопостигаемого, и Естества всего превышающего не уподоблять чему- либо познаваемому рассудком, но веровать, что Оно есть, – а что Оно такое, или сколь велико, или откуда, или каким образом, оставлять без изыскания, как непостижимое.

Но Писание, преподавая учение о общих и частных законах, присовокупляет и то, сколько есть нравственных преспеяний. Вообще закон запрещает всякую неправду, обяывая иметь любовь к соплеменнику, а по утверждении сего, непременно требует по порядку за тем следующего: не делать никакого зла ближнему. В законах же подробных предписывается почтение родителям и излагается перечень запрещаемых погрешностей. И как бы по предочищении ума сими законами, возводится Моисей к совершеннейшему тайноводству в мгновенном ему Божьею силою предуказании
некоей
скинии.

А скиния была храм, имеющий красоту в неизъяснимом некоем разнообразии. Тут были преддверия, столпы, завесы, трапеза, светильник, алтарь кадилный, жертвенник, очистилище, внутренность святилища сокровенная и недоступная. Красоту и расположение всего этого, чтобы чудо сие не утратилось из памяти, и могло быть показано долным, повелевается Моисею не одному только писанию предать сие, но вещественным устройением сделать подобие невещественного оною создания, взяв для сего наиболее блистательные и видные вещества из находимых на земле. Из них всего более было золота, которым вокруг облиты были столпы. С золотом вместе употреблено и серебро, украшавшее собою верхи и основания столпов чтобы, как

думаю, более блистало золото среди отличающегося цветом на обоих концах. А инде почтено полезным и вещество меди: оно служило надглавьем и основанием серебряных столпов. Завеса же и покровы, чем были обтянуты бока храма и верх над столпами, – все приготовлено было прилично ткатским искусством из вещества, пригодного для каждого дела. У одних из тканей цвет был синета, багряница, огнезрачность червленой красоты, белизна виссона, – этот самородный и безыскусственный вид. На самое тканье взяты для иного лен, а для иного волосы; по местам же для красоты строения употреблены красные кожи. И это Моисей, по сошествии с горы, устроил при содействии других, по представленному ему образцу здания.

Тогда же, пребывая в оном нерукотворенном храме, получает Моисей закон об иерее, вступающем во святилище, каким убранством надлежит ему отличаться; и Писание излагает в подробности законы о внутреннем и наружном облачении. Началом облачения в одежды служит не сокрытое что либо, но видимое, ризы верхние, испещренные разными цветами, именно теми же, с какими устроена была завеса, но преимуществующие пред завесою золотою прядью. Сии верхние ризы по обеим сторонам соединялись застежками, а это были изумруды, обделанные кругом в золото. Естественною краскою этих камней служил блеск, издававший от себя какие-то зеленоватые лучи, а искусственною была чудная резьба. И красу эту составляла не художественная насечка черт для изображения каких либо идолов; но имена патриархов, начертанные на двух камнях, по шести на каждом. К ним привешены были спереди щитки и витые верви, сплетенные между собою одна поперек другой с правильной расстановкой, на подобие сетки, опускались с верху от застежки по обе стороны щитков, чтобы, как думаю, более заметною казалась красота плетенья, просвечиваемого тем, что под ним. На груди иерея выдавалось то золотое украшение, в котором вделано было несколько, по числу патриархов, разных родов камней, расположенных в четыре ряда, и в каждом ряду по три; камни сии сделанными на них начертаниями показывали соименных коленам патриархов. Под верхними ризами была риза внутренняя (Исх. 28,31), от выи доходившая до края ног, благолепно украшенная привесками бахромы. А внизу подол красиво был убран, не только испещренною тканью, но и золотыми привесками; и это были золотые звонки и пуговицы, рядами расположенные на подоле. Была также головная повязка вся из синеты, а спереди на челе дщица из чистого золота с начертанными на ней какими-то таинственными письменами. Были и пояс, стягивающий просторное облачение, и убранство сокровенных одежд, наконец все, что под видом облачения, загадочно научало священнической добродетели.

Когда же Моисей, объятый оным невидимым мраком, по неизреченному Божию наставлению, изучил таковые вещи с приращением таинственных познаний, стал выше себя самого; тогда, опять изшедши из мрака, сходит к соплеменникам сообщить им о чудесах, открытых ему при богоявлении, предложить законы, соорудить народу храм и установить священство по образу, показанному ему на горе. Нес он в руке и священные скрижали, которые были Божиим обретением и даром, ни в каком предварительном содействии не имев нужды к своему происхождению; напротив того каждая из скрижалей, и вещество ее, и начертание на ней, равно были делом Божиим. Впрочем народ не допустил до себя дара, прежде, нежели предстал законодатель, необузданно предавшись идолослужению. Немало прошло времени, пока Моисей в собеседовании с Богом занят был Божественным оным тайноводством; в продолжение сорока дней и стольких же ночей, под покровом мрака причащался он присносущной оной жизни, был даже вне естества, потому что в это время не имел нужды в пище для тела. Тогда-то народ, подобно ребенку, оставшемуся не под надзором пестуна, несмысленными стремлениями вовлекается в бесчиние, и восстав на Аарона, приводит священника в необходимость, предводить ими в идолослужении. Идол сделан из золотого вещества (и идолом был телец); народ восхищался своим нечестием, но Моисей, подходивший к ним, сокрушает скрижали, которые нес от Бога, чтобы Израильтяне, лишившись богоприемлемого дара, понесли достойное за свой проступок наказание. Потом, руками левитов очистив скверну кровью соплеменников, а гневом своим на согрешивших умиловив Божество, уничтожив же идола, наконец по сорокадневном пребывании на горе, снова приносит скрижали, на которых Писание произведено Божией силой, тогда как вещество их обделано Моисеевою рукою. Приносит их снова, в продолжение такого числа дней превзошедши самое естество, и соблюдши иной некий образ жизни, а не тот, какой узаконен для нас, не принимав внутрь тела своего ничего такого, что оскудение естества нашего подкрепляет пищу.

И после сего сооружает скинию, дает законные предписания, устанавливает священство, по преподанному ему Богом. И когда, по Божию указанию, уготовил вещественным построением все это: скинию, преддверия, и что внутри скинии, алтарь кадильный, жертвенник, светильник, завесы, очистилище во святилище, священнические украшения, миро, различные жертвоприношения, очистительные, благодарственные, спасительные в бедах, умиловительные в прегрешениях, – когда все это Моисей должным образом привел в порядок; тогда в близких к нему возбуждает

зависть, – этот недуг, сродный природе человеческой; так что и Аарон, почтенный саном священства, и сестра его Мариам, какую то свойственной женщинам ревностью подвигнутая к той чести, какой достоин от Бога Моисей, высказывают

нечто такое, чем раздражено Божество, и потому наказало прегрешения. Здесь Моисей еще более достоин удивления за свое незлобие, потому что Бог наказывает неразумную женскую зависть, а он, успев в том, что естество превозмогло в нем и самый гнев, умилоствует к сестре Бога.

И народ предался опять бесчинию, к преступлению же привела неумеренность в наслаждениях чрева: Израильтянам стало недостаточно в здравии и беспечно поддерживать жизнь подаваемою свыше пищею, пожелание плоти, приверженность к мясостию делали, что египетское рабство казалось для них предпочтительнейшим настоящих благ. Моисей доносит Богу о возобладавшей ими страсти. И Бог тем самым, что дает получить желаемое, научает, что не должно желать сего, именно же насылает множество каких-то птиц, летающих почти по земле, которые тучею и стадами устремляются на ополчение; удобство ловить доводит пожелание мяса до пресыщения, а неумеренное употребление снеди превращает у них вдруг телесные срастворения в тлетворные соки, и насыщение оканчивается болезнью и смертью. Такого примера и им самим и видящим их достаточно стало, чтобы уцеломудрить народ.

Потом посылаются Моисеем соглядатаи в ту страну, в которой, по Божью обетованию, надеялись обитать Израильтяне. Поскольку же не все они возвестили правду, но некоторые сделали ложные и нерадостные показания; то народ опять поступил с Моисеем гневно. Но Бог отчаявшихся в Божием содействии осуждает не увидеть обетованной им земли. Между тем у идущих далее по пустыне снова не доставало воды, и вместе утратилось памятование о Божием могуществе, и после бывшего прежде чуда с камнем не верили теперь, что не будут нуждаться ни в чем потребном; отринув же благие надежды, дали место укоризнам, ропща на Самого Бога и на Моисея; так что и Моисей, по видимому, преклонился пред неверием народа, впрочем опять сотворил пред ними чудо, несекомый оный камень претворив в естество вод. Когда же рабское это наслаждение снедями опять возбудило в них вожделение чревоугодия, и не будучи лишены ничего необходимого для жизни, возмечтали о египетском пресыщении; тогда, подобно бесчинным юношам, вразумляются сильнейшими ударами бичей: появившиеся у них в стану змии угрызением своим сообщают смертоносный яд. Один за другим падают угрызенные животными; и законодатель, возбужденный Божиим советом, слив медное подобие змия, делает его на некоей высоте видимым для всего стана, и таким образом останавливает в народе гибель от змиев. Кто взирал на сие медное изображение, тому нимало не страшно было угрызение подлинно действительного змия; потому что зрение по какому-то необъяснимому противодействию ослабляло яд.

Опять происходит в народе восстание на Моисея за предводительство, и некоторые усиливаются себе присвоить священство. Но Моисей делается молитвенником пред Богом за погрешивших; впрочем правда суда Божия превозмогает Моисееву сострадательность к соплеменникам. Земля, разверзши зев, по воле Божией, снова сходится сама с собою, приав во внутренность всех, со всем их родом, превознесшихся пред начальством Моисеевым. И неистово домогавшиеся священства, числом около двух сот пятидесяти, будучи пожжены огнем, страданием своим уцеломудривают соплеменников. Но для большого удостоверения людей в том, что благодать священства от Бога дается удостоившимся оной, Моисей берет жезлы от каждого колена у начальствующих оными; и по означении письменами на каждом жезле, кем он дан (в числе их был и жезл священника Аарона), полагает их во храм, потом объявляет народу приговор Божий о священстве: ибо из всех жезлов один жезл Ааронов прозяб, и от сего дерева произрос и созрел плод (а плодом был орех). Величайшим чудом даже для неверующих показалось, что дерево без коры, остроганное, не имеющее корня, вдруг утучняется, производит тоже, что и укорененное в земле, потому что и землю, и кору, и влагу, и корень, и ветви заменяет дереву Божия сила.

При этом, проводя воинство землями иноплеменных народов, Моисей налагает на себя клятву, что не дозволит своему народу проходить нивами и виноградниками, но будет соблюдать царский путь (Чис. 21,22), не уклоняясь ни в право, ни в лево. Но как неприятели и этим не были умирены; то преодолев сопротивника в битве, полновластно совершает переход. Потом некто Валак, владеющий многочисленнейшим племенем (имя же племени было – Мадиянитяне), утраченный поражением пред сим погибших, и не дожидаясь того, чтобы и самому пострадать тоже от Израильтян, употребляет в дело, не помощь оружия и телесной силы, но бесполезное чародейство, в лице некоего Валаама, который почитался сведущим в этом, и о котором пользовавшиеся им были уверены, что имеет некую силу в подобных делах. Знал он птицегадательное искусство, страшен был и тем, что, по какому-то содействию демонов, причинял

людям некую ухищренную силою неисцельные бедствия. Он-то, следуя за теми, которые вели его к царю этого народа, научается голосом ослицы, что путь его не будет удачен. Потом из некоего явления познав, что ему делать, находит, что злоторное волшебство бессильно причинить какой-либо вред людям, которым вспомоществует Бог. Вместо же демонской силы, исполнившись божественного вдохновения, провещавает такие глаголы, которые прямо служат пророчеством о том, что в последствии имело произойти к лучшему. Тем самым, что воспретило искусству действовать во зло, приведенный в ощущение Божией силы, отложив свое прорицательное искусство, пророчествует он по Божией воле. После сего сокрушен народ иноплеменнический: потому что в войне сильнее его стал народ Божий, который потом побежден страстью распутства к пленницам. Когда Финеес застигнутых в срамном деле пронзил одним ударом, прекратился Божий гнев на предававшихся с неистовством сим непопозволенным связям.

Тогда законодатель взошедши на высокую некую гору, и издали увидев страну, которая, по Божию обетованию отцам, уготована была Израильтянам, переселяется из жизни человеческой, не оставив ни знака на земле, ни памяти во гробах о своем переселении, тогда как время не повредило красоты его, не помрачило света очей его, не ослабило сиявшей на лице его благодати; но всегда был он одинаков, и вместе с изменением естества сохранял непреложность красоты.

Итак вот что из истории мужа познали мы с первого взгляда, и пересказали тебе кратко, хотя в ином встречался повод по необходимости распространить слово. Но время вспомнятую нами жизнь применить к предположенной нами цели слова, чтобы из сказанного прежде сделано было какое-либо приношение в описание добродетельной жизни. Потому возвратимся к началу повествования

о

Моисее.

ВЗГЛЯД

НА

ЖИЗНЬ

МОИСЕЕВУ.

Когда закон мучителя повелевал истреблять мужеский пол; тогда рождается Моисей. Посему как можем по произволению подражать сему случайными обстоятельствами сопровождаемому рождению Моисея? Конечно, скажет иной, не от нас зависит, чтобы человек своим рождением подражал славному сему рождению. Но нимало не трудно начаться подражанию и тем, что, по видимому, весьма затруднительно. Ибо кто не знает, что все подлежащее изменению никогда не остается одним и тем же, но непрестанно из одного обращается в другое, вследствие изменения делаясь всегда лучшим или худшим. Разумей же сие применительно. Вещественное и страстное расположение, к которому особенно поползновенна природа человеческая, это женственное в жизни, когда рождается, угодно бывает мучителю; а твердость и неослабность добродетели, это мужеское порождение, враждебно мучителю и подозрительно тем, что может восстать против его власти. Посему, что как ни есть изменяется, тому, конечно, должно непрестанно рождаться; потому что в природе удобопревратной не увидишь ничего пребывающего всегда одинаковым; а так родиться зависит не от постороннего побуждения, подобно тому, как рожают что либо телесное; напротив того по собственному произволению совершается подобное рождение, и мы бываем некоторым образом отцами себя самих, рождая себя такими, какими сами желаем, и по собственному своему произволению уроками добродетели, или порока, образуя себя в какой желательно нам пол, мужеский или женский. Конечно, и нам можно, против воли и к огорчению мучителя, произойти на свет лучшим рождением, и, хотя бы сие было вопреки мудрованию мучителя, явиться и вступить в жизнь на удовольствие родителям прекрасного сего плода (а это суть помыслы соделывающиеся отцами добродетели). Посему слово сие учит, как, заимствовав повод из истории, можно со всею ясностью раскрыть загадочный сей смысл, положить начало добродетельной жизни, родиться к скорби врага, то есть неприятным для него образом рождения, в котором болезни рождения терпит произволение. Ибо не иначе может кто-либо причинить скорбь супротивнику, как показав в себе такие признаки, которые бы служили свидетельством победы над ним.

От одного и того же произволения зависит, без сомнения, родить сие мужеское и доблестное порождение, вскормить оное приличными снедями, позаботиться, чтобы безвредно спаслось оно из воды; ибо приносящие свои порождения в дар мучителю, обнажив и без призора предадут чад речному потоку; разумею же поток жизни, волнуемый непрерывными страстями, от чего впадшее в этот поток погрязает и лишается дыхания под водами. Но целомудренные и попечительные помыслы – отцы мужеского порождения, когда необходимость жизни принуждает их добрый плод свой предать житейским волнам, предаваемое потоку обезопасивают ковчегом, чтобы не погрязло

в глубине. Ковчегом же, составленным из разных дщиц, пусть будет обучение, твердо связанное из различных уроков, и поддерживаемого им носящее над житейскими волнами, при котором и носимый стремлением волн не слишком далеко увлечется волнением вод; но оставаясь при твердом бреге, т. е., вне житейского волнения, самым стремительным течением вод, неизвестно как, будет отталкиваем к суше. И сие дознаем на опыте; потому что не погрузившихся еще в человеческие обольщения самых житейских дел непостоянное туда и сюда уклоняющееся движение отталкивает от себя, как некое бесполезное бремя, признавая их людьми беспокойными по своей добродетели. Но кто стал вне таковых волнений, да подражает Моисею, не щадя слез, хотя и приведен в безопасность в ковчеге; потому что слезы – тщательный страж для спасающихся добродетелью.

Если же безчадная и бесплодная царская дочь (под именем которой, думаю, разумеется собственно внешнее любомудрие), присваивая себе новорожденного, готовится назваться его матерью: то слово сие позволяет до тех пор не отвергать свойства с сею лжеименною матерью, пока новорожденный видит в себе несовершенство возраста. А кто приходит уже в возраст, как дознаем в примере Моисея, тот почтет для себя стыдом именоваться сыном безчадной по естеству. Ибо внешнее обучение действительно безчадно: всегда страждет болезнями рождения, но никогда не рождает ничего живого. И любомудрие сие, после долговременных болезней рождения, какой показало плод, достойный столь многих и великих трудов? Не все ли в виде ветреных пузырей и недоношенными извергаются прежде, нежели придут во свет боговедения? А вероятно могли бы они соделаться имеющими человеческий образ если бы не были вовсе сокрыты в недрах безчадной мудрости. Посему кто у египетской царевны прожил столько времени, сколько нужно, чтобы не казаться непричастным уважаемого Египтянами, тот да возвратится к матери по естеству, от которой да не удаляется и во время своего воспитания у царевны, питаюсь матерним млеком, как повествует история. И это, кажется мне, учит тому, чтобы, если во время обучения упражняемся в науках внешних, не лишали и мы себя млека воспитывающей нас – Церкви, т.е., тех узаконений и обычаев Церкви, которыми питается и укрепляется душа, и из которых она заимствует для себя средства к возрастанию.

Истинно же то слово, что среди двух врагов будет тот, кто внимает учениям внешним, а не отеческим; потому что еврейскому понятию противится иноплеменник в богопочтении, усиливаясь показать, что он крепче Израильянина; да и кажется таковым для многих легкомысленных, которые, оставив отеческую веру и соделавшись преступниками отеческого учения, вступили в борьбу за одно со врагом. Но кто, подобно Моисею, велик и благороден душою, тот противоборствующего слову благочестия умерщвляет своим ударом.

А иной и иначе найдет в нас подобную борьбу. Ибо человек, как бы некою наградой за подвиг, поставлен на середине между держащимися противных сторон, – и к кому присоединяется, того и делает победителем противника. Например – идолослужение и богохотение, невоздержность и целомудрие, справедливость и неправда, кичливость и скромность ума и все представляемое противоположным, явная есть борьба какого-то Египтянина с Евреем. Посему Моисей примером своим наставляет нас быть в единении с добродетелью, как с единоплеменником, убивать же восстающего с противной стороны на добродетель. Ибо действительно преодоление благочестия делается смертью и истреблением идолопоклонства; так и справедливостью умерщвляется неправда, и скромностью убивается кичливость.

Но бывает также в нас и восстание друг на друга единоплеменников. Ибо не имели бы места вероучения лукавых ересей, если бы одни помыслы против других более истинных не выступали в сопротивных рядах. Если же будем немощны для того, чтобы самим собою отдать преимущество справедливости, потому что худшее пересиливает своими умствованиями, и отвергает владычество истины: то нам должно, как можно скорее, бежать отсюда к важнейшему и более возвышенному учению таинств, подобно указуемому сею историею образцу. И хотя бы потребовалось снова вступить в единение с иноплеменным, то есть, нужда заставила быть в единении с внешним любомудрием; решимся и на это, отогнав лукавых пастырей от несправедливого употребления кладезей, т. е., учителей худому обличив в лукавом употреблении обучения, уединимся потом в самих себя, не входя в связи и сближения с какими либо любителями споров, но будем жить вместе с теми, которые единомысленны и единомудренны с пасомыми у нас, между тем как все движения души нашей, подобно овцам, управляются волею руководственного разума. И таким образом нам, неуклонно пребывающим в сем мирном и безмятежном житии, воссияет тогда истина, лучами своими озаряющая душевное зрение. Истина же, являющаяся тогда Моисею в неизреченном оном световодстве, есть Бог.

Если же и терновым неким кустом воспламеняется тот свет, которым просвещается душа Пророка,

– то не бесполезно будет и сие сделать нам предметом исследования. Ибо если истина есть Бог, а также истина есть свет, – и оба сии высокие и божественные именованья евангельское слово присваивает явившемуся нам во плоти Богу (Ин. 14,6): то следует, что таковое добродетельное житие возводит нас к ведению оногo света, который нисходит даже до естества человеческого, возсиявая не от какого либо звездного светила, почему не можно было бы признать его сиянием дольного вещества, но от земного куста, и превосходя светлостью лучей небесные светила. А сим научаемся и таинству явленному в деве, от которой в рождении воссиявший человеческой жизни свет Божества сохранил воспламененную купину несгораемую, так что и по рождении не увял стебель девства. Оным светом научаемся и тому, что нам делать, чтобы стать в лучах истины, а именно, что не возможно связанными ногами взойти на ту высоту, где усматривается свет истины, если не будет разрешена на душевных стопах эта мертвенная и земная кожана я оболочка, возложенная на естество в начале, когда обнажило нас преслушание Божией воли. И таким образом, как скоро совершится сие с нами, последует за тем ведение истины, которое служит очищением от предположения о несуществующем, то есть, по моему понятию, определением истины не составлять себе ложного понятия о сущем. (Ибо ложь есть какое-то рождающееся в уме представление о несущем, будто бы существует то, чего нет; а истина есть несомненное понятие о сущем). И таким образом даже тот, кто в продолжение долгого времени среди безмолвия любознательствовал о предметах возвышенных, едва составит понятие о том, что такое в действительности сущее, по естеству своему имеющее бытие, и что такое не сущее, по видимости только имеющее бытие, тогда как естество само по себе

не осуществимо. И сие-то, кажется мне, познал тогда великий Моисей, наученный богоявлением, а именно, что из всего объемлемого чувством и созерцаемого умом, ничто не есть сущее в подлинном смысле, кроме

превысшей всего сущности, которая всему причина, и от которой все зависит. Ибо если мысль и другое что усматривает в числе существ, то ни в одном из сих существ не видит ум такого, которое бы не имело нужды в другом, и которому было бы возможно придти в бытие без причастия истинно сущего.

Всегда одно и тоже не увеличиваемое и не умаляемое, ко всякой перемене, в лучшее ли-то или худшее, равно неподвижное, потому что худшее ему чуждо, а лучшего нет; во всем другом неимеющее нужды, единое всем вождедеваемое, единое, чего все причастно, единое причастием причащающихся не уменьшаемое, – вот действительно в подлинном смысле сущее, и понятие о сем сущем есть ведение истины. Посему, как тогда достигший сего Моисей, так ныне всякий, кто, подобно ему, отрешает себя от земной оболочки, видит свет купины (т. е. обращает взор в воссиявшему для нас от плоти – сего тернового куста лучу, который, как говорит Евангелие, есть свет истинный (Ин. 1,9) и истина (14,6)), делается таковым, что может послужить ко спасению других, истребить превозмогающее на зло мучительство и привести в свободу все подпавшее жестокому рабству, между тем как измененная десница и жезл обращенный в змия творят чудеса, чем, как думаю, загадочно изображается тайна во плоти Господней явившегося человекам Божества, которым совершается низложение мучителя и освобождение им обладаемых. К этой же мысли приводит меня евангельское и пророческое свидетельство; ибо Пророк говорит: изменение десницы Всевышнего (Пс. 76,11); потому что, хотя Божественное естество уопределяется неизменяемым. однако же, по снисхождению к немощи естества человеческого, изменилось в наш образ и вид. Ибо и там рука законодателя, вложенная в недра, изменила цвет в противоестественный, и опять, быв в недрах, возвратила себе собственную природную красоту. И едиnorodный Бог, сущий в недрах Отчих, Он есть десница Вышнего; когда явился нам из недр, – изменился в подобное нам; когда же, понесши на Себе наши немощи, бывшую у нас и подобно нам изменившую цвет руку возвратил в собственное недра свое (недра же Десницы – Отец): тогда бесстрастного естества не изменил в страдании, но изменяемое и страстное общением с неизменяемым преложил в бесстрастие.

Да и превращение жезла в змия да не смущает христоролюбцев тем, что понятие о таинстве приспособляем к животному противного вида: ибо Сама Истина не отвергает сего изображения, когда говорит в Евангелии: яко же Моисей вознес змию в пустыне: так должно вознесены быть Сыну Человеческому (Ин. 3,14). Слово сие ясно: ибо если отец греха в Божественном Писании наименован змием, и рожденное змием, без сомнения, есть змий; то следует, что грех соименен с породившим его. Апостольское же слово свидетельствует, что Господь ради нас сделался грехом (2 Кор. 5,21), восприняв на Себя греховное наше естество. Следовательно гадание сие справедливо прилагается ко Господу. Ибо, если грех есть змий, и Господь соделался грехом; тот, кто есть грех, соделывается для нас и змием, чтобы поглощать и истреблять египетских змиев, оживотворяемых волхвами, а по совершении сего снова обращаться в жезл, которым

уцеломудриваются согрешающие, и упокоиваются восходящие крутым и неудобопроходимым путем добродетели, в добром уповании опираясь на жезл веры: потому что вера есть осуществление ожидаемого (Евр. 11,1). Посему, кто уразумел сие, тот прямо делается Богом воспротивившихся истине, и приводимых в изумление этою вещественною и неосуществимою прелестью; которыми, как нечто суетное, пренебрегается то, чтобы послушать Сущего: ибо говорит Фараон: кто такой Господь, чтоб я послушался голоса Его и отпустил [сынов] Израиля? я не знаю Господа и Израиля не отпущу (Исх. 5,2). Одно же только, именно вещественное и плотское, признают достойным уважения преданные скотской чувственности. Посему, если кто укреплен будет озарением света и приобретет столько силы и власти над сопротивниками; то, как некий борец, достаточно обучившийся у наставника подвижническому мужеству, смело и с уверенностью уготовляется к борьбе со врагами, имея в руке оный жезл, то есть, слово веры, которым будет побороть египетских змиев.

Последует же за ним и супруга – иноплеменница; потому что и из внешнего обучения допускается нечто в сожитие с нами к плодоношению добродетели. И нравственное естественное любомудрие, и высокому по жизни может иногда служить сожительницею, подругой и сообщницею, если только ее порождения нимало не принесут иноплеменной скверны. Ибо пока не обрезана и не отъята сия скверна, чтобы истреблено было все как вредное и нечистое, угрожает страхом смерти сретающий Ангел, но его умилостивляет сожительница отнятием отличительного свойства, по которому познается иноплеменное, доказывая, что порождение ее чисто. Думаю же, что выразумившему сие историческое повествование из сказанного делается явною последовательность преспеяний в добродетели, какую показывает слово, непрерывно следующее за связью исторических гаданий. Ибо в уроках любомудрого порождения есть нечто плотское и закрытое, но что остается по отнятии покровов, то не лишено израильского благородства. Например: и внешнее любомудрие говорит, что душа бессмертна – вот порождение благочестивое. Но утверждать, что будто бы душа из одного тела переходит в другое, и словесное естество меняет на бессловесное, – это есть уже плотское и иноплеменное необрезание. А подобно сему и многое другое. Любомудрие говорит, что Бог есть, но признает Его вещественным; исповедует, что Он Создатель, но для создания имеет нужду в веществе: соглашается, что Он всемогущ и благ, но во многом уступает необходимости судьбы; и что если пересказать в подробности, как добрые учения внешнего любомудрия оскверняются нелепыми прибавлениями? По отнятии только сих последних Ангел Божий соделывается к нам милостив, радуясь истинному порождению таковых учений.

Но возвратиться должно к последовательности слова, чтобы и нам, когда будем близки к египетским подвигам, встретилось со временем братское вспомоществование. Ибо знаем, что у Моисея, в начале добродетельной его жизни, происходит бранная и воинственная встреча: Египтянин притесняет Еврея, и также Еврей восстает на единоплеменника. Если же он своими добродетелями при долговременной попечительности, в следствие бывшего в высшей степени озарения, достигнув большого из душевных преспеяний, имеет дружественную и мирную встречу, по Божию внушению, во сретение ему исходит брат: то (если сие историческое событие применить к иносказательному воззрению) и мы найдем это не бесполезным для своей цели. Ибо действительно преуспевающим в добродетели оказывается от Бога данное естеству нашему вспоможение, которое по первоначальному бытию предваряет, но является и познается тогда уже, как при внимательности и попечительности достаточно освоившись с высшим житием, приуголовишься к труднейшим подвигам. Но, чтобы не разрешать нам гадания гаданием же, мысль свою об этом изложим открытее.

Есть некое учение, заимствующее достоверность из отеческого предания, и оно говорит: когда естество наше пало в грех, Бог падения нашего не оставил Своим промыслом, но в помощь жизни каждого приставляет некоего Ангела из приявших бесплотное естество; но и с противной стороны растлитель естества ухищряется на тоже посредством некоего лукавого и злоторного демона, который бы вредил человеческой жизни. Человек же, находясь среди сих двух сопровождающих его, так как цель каждого из них противна другому, сам собою делает одного сильнее другим. Добрый Ангел предуказывает помыслам блага добродетели, какие преуспевающими открываются в уповании. А другой показывает вещественные удовольствия, от которых нет никакой надежды на блага, только настоящее, вкушаемое, видимое порабощает чувства малосмысленных. Посему, если кто чуждается того, что манит к худому, устремив помыслы к лучшему, и порок как бы поставил позади себя, а душу свою, как некое зеркало, обратился лицом к упованию благ, чтобы в чистоте собственной его души напечатлелись все изображения и представления указуемой ему Богом добродетели: то сретает его тогда, и оказывает ему вспоможение, брат; ибо по дару слова и по разумности души человеческой Ангел некоторым образом делается человеку братом, (как сказано), являясь ему и при нем находясь тогда, когда приближаемся к Фараону.

Но в той мысли, что таковой взгляд ума можно во всей связи приспособить к целому изложению истории, если что либо в написанном окажется не подходящим под сие разумение, ради того самого никто да не отвергает всего, а напротив того пусть всегда помнит цель нашего слова, которую имея в виду, излагаем сие. наперед сказав в самом начале, что жития мужей благоискусных предлагаются потомству в образец добродетели. Для соревнующих же делам их невозможно идти по тем же самым следам: найдется ли например еще народ, по переселении размножающийся во Египте? Также найдется ли порабощающий его мучитель, неприязненно расположенный к мужескому полу и заботящийся о размножении пола более нежного и немощного? Найдется ли где и все прочее, что содержит в себе сия история? Итак, поскольку оказывается невозможным чудесам сих блаженных подражать в тех же самых событиях; то заимствуемое из действительного последования событий пусть будет прилагаяемо к какому-либо нравственному учению и ревнителям добродетели да послужит это некоторым пособием для таковой жизни. Если же какое либо из исторических событий самая необходимость вещей принуждает оставаться вне связи принятого разумения: то, отложив оное в сторону, как не полезное и не служащее к нашей цели, должны мы не прерывать учения о добродетели. А говорю это, имея в виду мнение об Аароне, и предупреждая то возражение, какое можно сделать на основании последующих событий.

Иной скажет: у Ангела, как существа разумного и бесплотного, есть сродство с душою, и несомненно то, что он старше нас по устройению, оказывает помощь вступающим в борьбу с супротивными; но нет основания в образе ангела представлять себе Аарона, который содействовал Израильтянам в идолопоклонстве. В ответ таковому, отступив от связи речи, скажем тоже, что сказано прежде: если что не служит к цели, то ради сего да не опровергается в слове согласие в прочем; и брат и Ангел есть нечто одноименное, по своему значению равно прилагаемое к тому и другому из существ противоположных: ибо в Писании именуется не только Ангел Божий, но и ангел сатанин; и не только доброго, но и злого называем братом; Писание так говорит о добрых: Друг любит во всякое время и, как брат, явится во время несчастья (Пр. 17,17), и о противоположных им: ибо всякий брат ставит преткновение другому (Иер. 9,4). Упомянув же о сем не в связи речи кратко, и точнейшее обозрение отлагая до места, собственно сему принадлежащего, коснемся теперь того, что предлежит нам.

Итак, кто сам себя укрепил явившимся ему светом, и приобрел себе такого брата, – поборника и помощника, тот смело ведет с народом слово об истине, напоминает об отеческом благородстве и подает мысль, как освободиться от брения и тяжкого плиноделания. Посему чему же научает нас этим история? – Тому, чтобы не отваживался говорить народу, кто таковою же жизнью не уготовал слова для собеседования со многими. Ибо видишь: Моисей, будучи еще юным, пока до такой меры не возрос в добродетели, не признан способным к тому, чтобы стать советником мира и для двоих враждующих между собою, а теперь ведет речь со многими вдруг тысячами. И едва не громогласно вопиет тебе сия история: не отваживайся, как учитель, подавать советы слушателям, если великою и продолжительною попечительностью не укрепил для этого сил своих.

Но слова оказались действительными, свобода возвещена, слушатели одобрены и вожделевают оной; этим раздражается враг и послушных слову подвергает большему страданию. Тоже самое бывает и ныне. Ибо многие из приявших учение, освобождающее от мучителя, и последовавших проповеди, и донныне от сопротивных терпят приражения искушений. И как многие из них, окрепнув от приражения к ним горестей, делаются благоискусными и более твердыми; так иные из немощных, в подобных обстоятельствах, упадают духом, открыто говоря, что гораздо лучше было бы для них оставаться не слышавшими проповеди о свободе, нежели, по этой причине, испытывать такие бедствия. Сие самое произошло и тогда; Израильтяне по малодушию обвиняли возвестивших им освобождение от рабства. Но тем паче да не ослабевает слово, привлекающее к прекрасному, хотя иной, как младенец и несовершенноумом, по непривычке к искушениям, детски боится их. Ибо вредоносный и тлетворный демон о том и старается, чтобы подчинившийся ему человек, не на небо взирал, но поникал очами к земле, и делал в себе из брения плинфы. Что служащее к вещественному наслаждению непременно берется из земли или воды, для всякого это явно. Что со тщанием добывается для чрева и снедей, что признается богатством, – это смешение земли и воды, и делается и именуется брением. Жадные до сих бранных удовольствий, наполняя себя ими, никогда не сохраняют полною той пустоты, которая их приемлет в себя. Напротив того непрестанно наполняемое делается пустым для притекающего вновь. Так и плинфоделатель, имея в виду плинфу за плинфой, без труда может уразуметь эту загадку; удовлетворив своему пожеланию в чем либо одном из того, о чем человек старался, если пожелание склонится к чему либо другому, оказывается также и в этом неудовлетворенным. А если и в том удовлетворится, для другого опять ощущает в себе пустоту и простор. И это не перестает непрерывно в нас совершаться, пока не кончит кто этой вещественной жизни.

Что же такое стеблие и плева из стеблей, которую повинующийся мучителевым приказанием принужден примешивать к плинфе? И Божественным Евангелием и высоким гласом Апостола истолковано сие нам, а именно, что и пшеница и солома (Мф. 3,12; 1 Кор. 3,12) равно служит пищею огню. – Посему, когда кто из преданных добродетели пожелает поработанных прелестью отвлечь в жизнь любомудренную и свободную, тогда ухитряющийся против душ наших, по слову Апостола, на различные козни (Еф. 6,11), закону Божественному противопоставить умеет обольстительные лжеумствования. Говорю же сие, обращая речь к египетским змиям, то есть, к различным козням прелести, обращаемым в ничто Моисеевым жезлом, которого, сколько было нужно в довольной мере касалось уже наше обозрение.

Посему тот, кто приобрел этот непреодолимый жезл добродетели, – жезл уничтожающий жезлы ухищренные, неким путем и последовательно восходит к большим чудесам. Чудотворение же не с целью изумить слышащих совершается, но имеет в виду пользу спасаемых; потому что чудесами добродетели истребляется враждебное для них, и умножается им соплеменное. Постараемся же дознать прежде всего самое общее из чудес частных, цель, к какой они возводят; тогда только возможно для нас будет составить приличное понятие и о каждом чуде в отдельности. Ибо учение истины неодинаково действует, смотря по расположениям приемлющих слово. Хотя слово всем равно показывает худое или доброе, однако же, кто с убеждением приемлет показанное, у того ум во свете; а кто упорствует и не соглашается обратить душевный взор к лучу истины, для того пребывает мрак неведения. Если понятие наше о чем-либо подобном не ложно в своей целостности, то не инаково оно, конечно, и в подробностях, как показало в слове частное исследование. Посему неудивительно, что Евреи, живя среди иноплеменников Египтян, остаются не претерпевающим египетских бедствий. Ибо можно видеть, что и ныне совершается тоже. В многолюдных городах, когда жители держатся противоположных мнений, для одних сладок и чист поток веры, которым орошает их Божественное учение, а для держащихся египетского образа мыслей вода сия делается поврежденною кровью. Лжемудрование прелести покушается нередко и еврейское питье скверною лжи обратить в кровь, т.е., и наше учение даже нам показать но таковым, каково оно в действительности. Но не сделает питья сего совершенно негодным к употреблению, хотя без труда придает ему кровавый вид для обмана; потому Еврей пьет истинную воду, не обращая внимания на обманчивый вид, хотя бы противники и старались уверить, что это – кровь.

Так и этот гнусный и крикливый род жаб, эти животные пресмыкающиеся и скачущие, неприятные не только по виду, но и по зловонию кожи, вползают и в дома, и на ложи, и в хранилища к Египтянам, но не касаются жизни Евреев. Ибо тлетворные порождения греха действительно составляют род жаб, зарождающихся, как в грязи, в нечистом сердце человеческом. Сии-то жабы живут в домах у уподобляющихся Египтянам избранием рода жизни, являются у них на трапезах, не удаляются с ложей, проникают в хранилища жизненных припасов. Ибо, как скоро увидишь нечистую и невоздержную жизнь, подлинно из брения и грязи рождающуюся, и при уподоблении бессловесным в образе своего поведения не держащуюся в точности ни того ни другого естества, увидишь, что, кто по природе человек, тот по страсти делается скотом, и тем показывает в себе этот земнородный и обоудный образ жизни; то найдешь при этом признаки подобной болезни, не на ложах только, но и на трапезе, и в хранилищах, и по всему дому. Таковой во всем выражает свое распутство, так что по заботам, какие в доме, всякому легко узнать жизнь и невоздержного и благонравного человека. Когда в доме развратного на штукатурке стены какими-либо искусственными изображениями указывается служащее к воспламенению страстного сластолюбия и напоминающее собою свойство болезни; потому что при виде бесчестных зрелищ вливается в душу страсть; тогда у целомудренного приняты во всем осторожность и предусмотрительность, чтобы сохранить око чистым от страстных зрелищ. А также и трапеза чиста у целомудренного, но полную жаб и многих мясов оказывается она у пресмыкающегося в грязной жизни. Заглянешь ли в его кладовые, то есть, в сокровенности и тайны его жизни, тем паче в них у непотребных найдешь жаб.

Если же история повествует, что у Египтян произвел это жезл добродетели, то да не смущает нас сказанное. Ибо история говорит также, что и мучитель ожесточен Богом. За что был бы осужден, кто по необходимости получил бы свыше жестокое и упорное расположение сердца? Подобное сему говорит негде и божественный Апостол: И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства (Рим. 1,28), разумея сие о мужеложниках и опозоривших себя бесчестными и нескананно распутными нравами. Но хотя так выражено сказанное в божественном Писании: однако же не Бог делает предающимся страсти бесчестия того, кто стремится к этому. И Фараон не по Божию изволению ожесточается, и не добродетелью производится эта кипящая жабами жизнь. Ибо если бы угодно сие было Божией воле, то, без сомнения, такое изволение простиралось бы равно на всех, так что относительно к жизни не

усматривалось бы различия между какою-либо добродетелью и пороком. Если же каждый по своему пользуется жизнью, – одни преуспевают в добродетели, а другие впадают в порок; то никто не имеет основания высшим каким-либо необходимым, установленным Божьею волею, вменять сии различия в жизни, которые содержит во власти своей произвол каждого. Посему, кто предаётся страсти бесчестия, о том ясно можно дознаться у Апостола. Кто не заботился иметь Бога в разуме, того не Бог, наказуя за то, что не познано им бытие Божие, предаёт страсти, но то самое, что не познает он Бога, служит причиною, по которой вовлекается он в жизнь страстную и бесчестную. Как, если бы кто сказал, что такого-то ввергло в ров солнце, на которое он не взглянул, то не заключим, что светило, предавшись гневу, столкнуло в ров не хотевшего увидеть его, но каждый, рассуждая основательно, поймет сказанное так, что не смотрящему на солнце и не пользующемуся светом его сие самое служит причиною падения в ров: так законно будет понимать и апостольское слово, что не разумеющие Бога предаются в страсти бесчестия. И египетский мучитель ожесточается Богом: – не в том смысле, что Божиим изволением в Фараонову душу вложено упорство, но в том, что Фараонов произвол, по склонности к пороку, не принял слова смягчающего упорство. Так и жезл добродетели, явленный Египтянам, Еврея делает чистым от кипящей жабы жизни, а жизнь египетскую показывает страждущею от таковой болезни.

Но вот и другой случай: Моисей простирает на жаб руки, и они исчезают. Это же, как можно узнать, совершается и ныне. Ибо уразумевшие сие простертие рук законодательских (уразумеешь же непременно, что говорит тебе сия загадка, а именно чрез законодателя Моисея дает познать истинного Законодавца, а чрез простертие рук – Простершего руки на кресте), хотя незадолго до сего жили нечистыми и полными жаб помыслами, как скоро обратят взоры к Простершему за нас руки, – освободятся от лукавого их сожительства, по умерщвлении и истреблении страсти. А действительно освободившимся от таковой болезни, по умерщвлении пресмыкающихся движений, воспоминание о прежней жизни делается каким-то неуместным и зловонным, неприятным душе, по причине стыда, как говорит Апостол тем, которые, отложившись от порочной жизни, приступили к добродетели: Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь (Рим. 6,21)?

В этом же смысле разумей и то, что от жезла воздух в глазах Египтян очерняется, а для Евреев озаряется солнцем, чем и подтверждается особенно основание высказанной нами мысли, что не понудительная некая свыше сила заставляет одного быть во мраке, а другого во свете. Напротив того мы люди у себя дома, в своем естестве и произволе, имеем причины и света и тьмы, делаясь тем, чем сами пожелаем. Ибо, по сказанию истории, не по причине какой-либо стены или горы, преграждающей зрение и останавливающей лучи, когда Евреи наслаждались светом, Египтяне оставались нечувствительным к сему дару. Так во власть каждому равно предоставлена жизнь во свете; но одни ходят во тьме, лукавыми предначинаниями вводимые в греховный мрак; другие осияваются светом добродетели. Если же, после трехдневного злострадания во тьме, и Египтяне делаются причастниками света; то, может быть, возбуждись сим кто либо из живших прежде по-египетски, чрез познание Распятого и при помощи покаяния возведет мысль к переходу от порока к добродетели. Ибо она, по сказанию истории, осязаемая тьма (Исх. 10,21), и по самому имени, и по значению оного, имеет великое сродство со тьмою неведения и греха. Но та и другая тьма разрешается, как скоро Моисей (что разумелось и в сказанном прежде) простирает руки над пребывающими
во тьме.

А равно согласно с сим разуметь можно и тот печной пепел, который производит болезненные раны на Египтянах (Исх. 9,8.9), и загадочно под именем печи означает наказание геенским огнем, угрожающее и уготовляемое только тем, которые живут подобно Египтянам, т. е. как говорили мы неоднократно, живут худо, и не поклоняются простертию рук Христовых. Есть ли же кто истинный Израильтянин и сын Авраамов, Аврааму уподобляется жизнью, так что своим произволением доказывает тесное родство с избранными; то он спасается от оного печного мучения. Но и то, что, по данному нами истолкованию, простертием рук Моисеевых означает и для живущих подобно Египтянам, может некогда послужить врачеванием от мучения и избавлением от наказаний.

А о мелких оных скнипах, которые неприметным угрызением причиняют боль Египтянам, о песьих мухах, при угрызении болезненно влияющих в тела, об истреблении плодов земледелия плугами, о пламенниках, падающих свыше вместе с каменным градом, – да потрудится иной и сам, в связи с исследованным прежде, идя тем же путем, составить о каждой казни приличное понятие; так как все это, по сказанному выше, производит египетский произвол, налагает же на Египтян нелицеприятное Божие правосудие. Но следуя сему, и мы будем разуметь так, что горестное посылается от Бога достойным того, каждый же сам для себя бывает виновником сих бичей, собственным своим произволом уготовляя себе ожидающие его скорби, как говорит Апостол,

обращая речь к одному из таковых: Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его (Рим. 2,5.6). Как от беспорядочного рода жизни во внутренностях составляется тлетворный желчный какой-то сок, и врачу, с помощью искусства извлечемому его рвотой, не поставляется в вину, будто бы сам он произвел в теле этот болезненный сок, тогда как он произведен беспорядочным употреблением пищи, а врачебная наука извела его наружу: так, хотя говорится, что имеющим злое произволение от Бога бывает скорбное воздаяние; но сообразнее с разумом понимать сие так, что таковые страдания заимствуют свое начало и причину в нас самих. Ибо для жившего безгрешно нет ни тьмы, ни червя, ни геенны, ни огня, ни чего либо иного страшного по именованию и на самом деле, как и история говорит, что для Евреев не существовали египетские казни. Посему, если в одном и том же, что одному служит во зло, а другому нет, разность произволения то и другое показывает в противоположности; то ясно, что никакое зло не может состояться без нашего произвола.

Но приступим к продолжению слова, предыдущими исследованиями, достаточно научившись, что и Моисей оный и всякий, подобно ему возвысившийся добродетелью, как скоро долговременным попечением о правой высокой жизни и озарением свыше укрепил душу, – почитает для себя утратою для единоплеменных ему не быть руководителем к свободной жизни. И пришедши к ним, представлением тяжких страданий влагает в них сильнейшее пожелание свободы; готовясь избавить соплеменников от бедствий, предаёт смерти всякого египетского первенца. А это делает, узаконяя нам уничтожать первое зарождение зла; ибо иначе не возможно избежать египетской жизни. И мне кажется, прекрасно сделаем, если не оставим сию мысль без обозрения. Ибо если кто обратит внимание только на историю, то как сохранится боголепное понятие о произошедшем по ее сказанию? Несправедливо поступает Египтянин, и за него терпит наказание недавно родившийся младенец, которому, по несовершенству возраста, неизвестно и различие между добром и злом, которого жизнь не причастна порочной страсти; потому что младенчество его не дает в себе и места страсти; не знает он разности между правой и левой рукой, к одной кормилице обращает взоры; одно у него телесное ощущение скорбного – слеза; а если получит то, чего желает природа, выражает удовольствие улыбкою. И он-то удовлетворяет правосудию за отеческий грех. Где же правда? Где благочестие? Где святость? Где Иезекииль, который взывает: Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына (Иез. 18,20)? Почему история узаконивает противное слову Писания? Посему согласнее с разумом будет, держась смысла возводящего выше, если и совершилось что прообразовательно, верить, что Законодатель в описании совершившегося излагает правило. Излагаемое же здесь правило таково: при помощи добродетели борющемуся с каким либо пороком должно уничтожать в себе первые начала злых дел; ибо с истреблением начала уничтожается вместе и следующее за ним, как Господь учит в Евангелии, едва не ясными словами говоря об умерщвлении первенцев египетских зол, когда повелевает умертвившим в себе похоть и гнев не бояться уже ни скверны — прелюбодеяния, ни ужасов убийства; потому что и то и другое не бывает само собою, если не породит гнев – убийства, и похоть – прелюбодеяния. Посему, так как чреватый грехом прежде прелюбодеяния рождает похоть, и прежде убийства – гнев: то убивающий первенца без сомнения, убивает и последующее за первенцем поколение, как и поразивший голову змеи умерщвляет целый ее состав, какой влачит она за собою сзади. Но сего не может быть, если во входах наших не излита она кровь, которая обращает в бегство всегубителя. И если надлежит точнее выразуметь в сказанном заключенный в сем смысл; то история к уразумению сего приводит тем и другим, как тем, что умерщвляются первенцы, так и тем, что вход огражден кровью; ибо там уничтожается первое устремление зла, а здесь истинным Агнцем отвращается первый к нам вход порока. Не тогда примышляем изгонять всегубителя, когда он уже вошел, но, чтобы не проникло к нам и самое начало, поставляем по закону стражу. А стражею и ограждением служит, – кровью Агнца положенное знамение на косяках и на перекладине входа (Исх. 12,7). И сим писание загадочно преподает о душе нашей тоже естествословие, какое измыслила и внешняя ученость, разделяющая душу на силу разумную, вожделевательную и раздражительную. Говорят же, что подчинено им и вожделение, с обеих сторон поддерживающее познавательную силу души, что рассудок, будучи сопряжен с обеими силами, правит ими, и от них заимствует силу, раздражительность укрепляется в мужестве, а вожделением возвышается до причастия добра. Посему, пока душа ограждена таким соотношением своих сил как бы клиньями какими, твердо сплоченная своими понятиями о добродетели, пользуется она всяким взаимным их содействием к произведению прекрасного, между тем как рассудок сам собою доставляет безопасность низшим силам, а частью и от них заимствуется равным даром. Если же это соотношение сил будет извращено, и высшее делается низшим, так что рассудок, ниспав до попираемого, вожделевательное и раздражительное расположение поставит вверху себя; то всегубитель проникает тогда во внутренность, и вшествию его не препятствует никакое противодействие крови, то есть, пребывающим в таком расположении не собирает вера во Христа; ибо повелено

помазать кровью сперва верхний брус в двери, а потом уже касаться обоих подвоев. Но как же помазать кому сперва верх, когда не отыскивается верха?

Если же не оба сии действия, и избиение первенцев, и излияние крови, совершаются у Израильтян; то нимало не дивись сему, и не отвергай поэтому предложенного умозрения об истреблении зла, как оказывающегося не соответственным истине. Ибо теперь под разностью имен: Израильтянин и Египтянин разумели мы разность добродетели с пороком. Итак, если по высшему смыслу предполагается под именем Израильтянина разуметь добродетельного, то основательно будет кому либо требовать, чтобы избиваемы были не начатки порождений добродетели, но то, что полезнее уничтожать, нежели воспитывать. Посему справедливо научены мы Богом, что должно убивать начатки египетского поколения, чтоб оскудевало зло, умаляемое истреблением начатков. Сие разумение согласно и с историю. Ибо чрез пролитие крови совершается охранение израильских порождений, чтобы доброе пришло в совершенство; а что, достигнув совершенства, умножает египетский народ, то, прежде усовершеня во зле, уничтожилось. Сему же предлагаемому нами высшему понятию содействует то, что в след за сим входит в обозрение сей истории. Ибо назначается пищею для нас соделаться тому телу, из которого излита кровь, и показуемая на дверях удаляет от нас губителя Египтян.

И наружность вкушающих пищу сию представляется внимательною, озабоченною, не как у веселящихся на пирах, у которых руки свободны, облачение одежд легкое, на ногах нет путнической обуви; а здесь все сему противно, ноги сжаты обувью, пояс прижимает облегающий хитон его к чреслам, в руке жезл грозный для псов. В сем-то виде предлагается им снедь без всякой поварской приправы, как случилось с поспешностью изготовленная на огне, и вкушающие скупают ее со всею скоростью, спеша один перед другим, пока не употребится вся плоть агнца; поглощая, что есть на костях, не касаются они того, что внутри костей, потому что запрещено сокрушать кости сего агнца; а что остается от сей снеди, то истребляется огнем. Из всего этого ясно, что здесь буква указывает на высший некий смысл; и этот закон объясняет нам не образ вкушения (для подобных вещей достаточный законодатель – природа, вложившая в нас пожелание пищи), напротив того означает сие нечто другое. Ибо что будет для добродетели, или для порока, от того, что пища принята так, или иначе? распущен, или стянут у ядущего пояс? ноги босые, или надета обувь? в руке у него жезл, или отложен в сторону? Но явно, что собою загадочно показывает этот путнический по наружности наряд. Ибо прямо повелевает познать здешнюю жизнь, – то, что, как путники, проходим мы настоящую жизнь вместе с рождением по самой необходимости побуждаемые к исшествию, к которому надлежит иметь в готовности и руки и ноги, и всем прочим обезопасить себя на путь.

Чтобы терния этой жизни (а терния сии – грехи) не уязвили босых и ничем не охраненных ног, наденем на ноги жесткость сапогов; а это – воздержная и строгая жизнь, которая сама собою сокрушает и стирает острия терний, препятствует греху, из малого и незаметного взявшись начала, проникать до внутренности. Хитон, спущенный до ног и покрывающий их собою, послужит препятствием протекающему путь сей со тщанием; а под хитоном, по связи понятий, да разумеется у нас обильное наслаждение тем, что наиболее ценится в сей жизни, сокращаемое несколько целомудренным помыслом – этим поясом путника. Что пояс есть целомудрие, свидетельствуется это тем способом, по какому приводится в действие жизнь. И жезл, защищающий от зверей, имеет значение надежды, которою и подкрепляем душу в изнеможении, и отражаем от себя оскорбительное. Под снедью же, предлагаемою нам прямо с огня (Исх. 12,8), разумею ту горячую и пламенеющую веру, которую приемлем без замедления, и которой вкусив, сколько с первого раза принято ядущим, все сокровенное в сих твердых и не разлагаемых понятиях и глаголах оставляем без пытливости и разведывания, предавая таковую пищу огню.

В уяснение сих гаданий скажем то, что те божественные заповеди, которых смысл с первого взгляда удобопонятен, надлежит исполнять не лениво и не принужденно, но подобно алчущим, с желанием насытиться предлагаемым, чтобы пища сия послужила для нас напутием к здравью. А какие понятия сокровенны (на пример: что такое сущность Божия? что было до сотворения? что вне видимого? какая была нужда в сотворенном? – и все подобное, исследованием чего занимается одно любопытство), о сем не разыскивать должно, но познание сего предоставит единому Святому Духу, испытующему, как говорит Апостол, глубины Божие (1 Кор. 2,10) Ибо, что в Писании вместо Духа многократно упоминается и именуется огонь, известно это каждому, кто изучал Писание. К таковой же мысли приводит нас и наставление премудрости: что свыше сил твоих, того не испытывай (Сир. 3,21), т. е. не сокрушай костей слова, потому что нет тебе потребности в сокровенном.

Так Моисей силою изводит народ из Египта: и всякий идущий по следам Моисея тем же образом

освободит от египетского мучительства всех, кем только руководит его слово. Но следующим за сим вождем к добродетели, думаю, не должно быть скудными в египетском богатстве и не стяжателями иноплеменных драгоценностей; но, взяв у противников всю собственность, надлежит иметь это у себя, как заем; что сделать народу и повелевается тогда Моисеем. Не одобрит законодателя решения, кто по первому взгляду поймет сие так, что будто бы Моисей велит давших в заем лишить собственности, и делается наставником несправедливости. Но никто и не скажет, что законодатель действительно отдал такое приказание, имея в виду последующие законы, решительно воспрещающие всякую обиду ближнему, хотя иным и кажется справедливым делом, что Израильтяне сим примышлением взяли с Египтян заслуженную плату: ибо вина не меньше, если такой приказ не чист от лжи и обмана. Кто взял что-нибудь взаем, и не отдает опять заимодавцу, если это чужое, поступает несправедливо, как отнявший собственность. Если же завладеет и своим, но обманув заимодавца надеждою получить назад, то, без сомнения, будет назван обманщиком. Посему того смысла, какой представляется с первого взгляду, приличнее понятие высшее, повелевающее добродетельно ведущим свободную жизнь заготовлять богатство внешнего образования, которым украшаются иноплеменники по вере. Ибо нравственную и естественную Философию, геометрию и астрономию, и словесные произведения, и все, что уважается пребывающими вне Церкви, наставник добродетели повелевает, взяв в виде займа у богатых подобным сему в Египте, хранить у себя, чтобы употребить в дело при времени, когда должно будет божественный храм таинства украсить словесным богатством. Так собирающие себе таковое богатство, каждый от себя приносят оное Моисею, трудящемуся над скиниею свидания, уделяя на устройство святыни. Это, как можно видеть, делается и ныне. Многие внешнюю ученость, как некий дар, приносят Церкви Божией. Таков и были великий Василий, прекрасно во время юности купивший египетское богатство, принесший его в дар Богу, и таковым богатством украсивший истинную скинию Церкви.

Но возвратиться должно к тому, с чего мы начали. Тех, которые обратили уже взор к добродетели, и в жизни последуют законодателю, когда оставят они пределы египетского владычества, сопровождают какие-то приращения искушений, причиняющим затруднения, страхования и крайние опасности, которыми приводимый в боязнь ум не утвердившихся еще в вере впадает в совершенное отчаяние сподобиться благ. Но если будет Моисей, или кто из подобных ему вождей народа; то он противопоставит страху совет, утраченный ум ободряя упованием на божественную помощь, чего, впрочем, не было бы, если бы сердце предстоящего не возглаголило к Богу. Ибо многие из поставленных на таковое предстояние заботятся только о внешнем, чтобы оно было в хорошем положении, а о сокровенном, что видимо одному Богу, мало у них пощения. Не так было у Моисея; в чем он повелевает Израильтянам благодушествовать, не произнося, по видимому, никакого гласа к Богу, о том вопиет, как свидетельствует о сем Сам Бог, научая, думаю, словом сим и нас, что благозвучен и доходит до Божия слуха оный именно глас, – не вопль, с напряжением издаваемый, но помышление, воссылаемое от чистой совести.

А кто таков, тому для помощи в законных борьбах малым уже оказывается брат, – тот именно брат, по Божией воле сретивший Моисея идущего к Египтянам, которого слово сие представило в чине Ангела. Напротив того бывает тогда явление превысшего Естества, открывающее Себя в такой мере, в какой может вместить естество приемлющее. Что так было тогда, слышим это из истории, и что так бывает всегда, познаем умным воззрением. Ибо когда побежит кто от царя египетского, и вне уже его пределов убоится приращения искушений; тогда вождь указывает ему неожиданное спасение свыше. Когда окружающий преследуемого силою своею враг по необходимости делает для него проходным море, к которому ведет вождь – облако (вот имя вождю, какое бывшими прежде нас прекрасно принято в значение благодати Святого Духа); тогда сим-то вождем совершается путеводительство достойных к добру. Кто ему последует, тот переходит чрез воду в след за шествующим по морю вождем, которым даруется безопасность в свободе, по уничтожении в воде преследовавшего в рабстве.

Ибо кто не знает, что египетское воинство – наши многообразные душевные страсти, которыми порабощается человек? Это – кони, это колесницы и всадники на них, стрелки, пращники, тяжело вооруженные, и прочее множество вражеской дружины. Ибо скажет ли кто, что раздражительные помыслы или стремления к удовольствию, к печали, к любостыжательности, отличаются чем-либо от упомянутого воинства? Злословие – вот камень, прямо пущенный из пращи; порыв раздражительности – вот копье, потрясающее острием; а страсть к удовольствиям будем представлять себе конями, с неудержимым каким-то порывом влекущими за собою колесницу и трех всадников в ней, которых именует история тристами.

Под сими тремя несущимися на колеснице, научившись предварительно таинственному значению подвоев и прага, уразумеешь, конечно, трехчастное разделение души, возводя понятие к

разумному, вождевательному и раздражительному в душе. Итак все это и все единоплеменное с сим вместе с вождем лукавого нашествия впадает за Израильтянином в воду. С сего времени естество воды, под водительством веры в жезл и освещающего облака, делается животворным для прибегающих к воде, и мертвям для гонителей.

Сверх сего история научает сим, каковыми надлежит быть проходящим чрез воду, именно, по ишествии из воды ничего не привлекающим за собою из супротивного воинства. Ибо если выйдет с кем враг, то и после воды остается он в рабстве, извлеки живым мучителя, которого не потопил в глубине. А этим (чтобы уяснить кому для себя сие гадание, раскрыв его вполне) означает, что все преходящие чрез таинственную воду в крещении должны умертвить в воде все полчище греха; как-то: любостязательность, бесчинное пожелание, хищнический замысел, страсть кичливости и гордыни, вспыльчивость, гнев, мстительность, зависть, ненависть; так как страстям некоторым образом обычно следовать за естеством человеческим, должны они умертвить в воде все сие и подобное сему, а равно и самые порочные движения мысли и их последствия, как в таинстве пасхи. ибо это – имя той жертвы, кровь которой для воспользовавшегося ею делается возбранением смерти. Посему, как там закон повелевает есть хлеб пресный – пасху (а опреснок изготавливается без примеси старой закваски), и сим дает разуметь, что пресекаемому непрерывное последование времени применением на лучшее должно уже к последующей жизни не примешивать никакого остатка греха, но положить после сего особое начало жизни; так и здесь требуется, чтобы в спасительном крещении, как бы в некоей глубине, потопив всякое египетское лице, то есть, всякий вид греха, исходили мы одни, не вовлекая в жизнь ничего иноплеменного. Ибо сие-то самое узнаем из истории, которая говорит, что в одной и той же воде жизнью и смертью различаются враждебное и дружественное, враждебное предается тлению, а дружественное оживотворяется. Так многие из принявших таинственное крещение, по незнанию законных предписаний, предшествовавшую в жизни закваску порока примешивают к жизни по крещении, и после того, как перешли воду, своими начинаниями вместе с собою изводят живым и египетское воинство. Ибо иной прежде дара крещения обогатился хищничеством и неправдою, или клятвопреступлением приобрел что-либо во владение, или прелюбодейно жил с женою, или отваживался в жизни на иное что либо непозволительное, и думает, что и после купели, продолжая наслаждение добытым прежде, свободен от греховного рабства, как не усматривающий, что покорен лукавым властителям. Ибо свирепый и неистовый властелин – страсть непотребства, удовольствия, как бичами какими, терзающая раболепный помысел. Другой подобный властелин – любостязательность, не дающая никакого покоя своему служителю, который, чем больше работает, услуживая велениям владыки и приобретая по его пожеланиям, тем к большому всегда понуждается труду. И все иное, что делается ради греха, принадлежит к числу мучителей и властителей; и если кто служит им, то, хотя бы перешел он чрез воду, по моему мнению, еще не коснулся воды таинственной, которой свойственно истреблять лукавых мучителей.

Но обратимся опять к тому, что следует в слове. Кто перешел разумеемое нами море, и видит в нем мертвым этого умопредставляемого Египтянина, тот не только обращает взоры к Моисею, этому жезлоносцу добродетели, но преимущественно верует Богу, как говорит слово повествования, покорствуя же и угоднику Его Моисею (Исх. 14,31). Это, как видим, бывает и ныне с истинно перешедшими воду; они, предав себя самих Богу, повинуются и покоряются, как говорит Апостол (Евр. 13,17), служащим Божеству в священстве.

За сим следует трехдневный от моря путь; и на оном, когда на некоем месте расположились станом, найденная вода сперва оказалась негодною к питию по причине горечи; но вложенное древо сделало ее приятным для жаждущих питием. Сказание сие сообразно с ходом дел. Оставившему египетские удовольствия, которым служил он до перехода чрез море, удаленная от удовольствий жизнь кажется сперва трудною и неприятною, но, если вложено будет в воду древо, то есть, если кто примет таинство воскресения, которому начало положено древом (слыша же о древе, конечно, будешь разуметь крест); то всякой сладости, удовольствием исполняющей чувство, делается тогда слаще и удобоприемлемее добродетельная жизнь, услаждаемая надеждою будущего.

Место остановки в дальнейшем путешествии, украшенное финиковыми деревьями и источниками, упокоивает утомленных путников. Двенадцать там источников водных, текущих чистой и сладкой струей; и семьдесят финиковых деревьев величественных, сеннолиственных, с годами достигших высокого роста. Что же находим в этом по последовательному порядку истории? То, что таинство древа, которым вода добродетели делается удобоприемлемою для жаждущих, приводит нас к двенадцати источникам и семидесяти Финиковым деревьям, то есть, к евангельскому учению, в котором двенадцатью источниками служат Апостолы. Такое число на сию потребность избрал

Господь и соделал, что чрез них исходит слово, как и один из Пророков предвозвестил об источающейся от Апостолов благодати, когда говорит: в собраниях благословите Бога Господа, вы – от семени Израилева (Пс. 67,27). А семидесятью финиковыми деревьями пусть будут, кроме двенадцати учеников,

для целой вселенной поставленные Апостолы, которых столько же было числом, сколько, по сказанию истории, и финиковых деревьев.

Но в путешествии сем надлежит, думаю, поспешить словом; потому что из немногих, нами применительно представленного для трудолюбивых, легко составить свой взгляд и на прочие станы. А станы сии суть те добродетели, в которых следующий за столпом облачным народ, идя вперед, как бы располагается станом и упокоивается. Посему, миновав в слове средние станы, напомним о чудотворении при камне, которого упорное и твердое естество сделалось питием для жаждущих, по разрешении упорства в мягкость воды. Но нет никакого труда последовательность истории приспособить к высшему взгляду. Кто Египтянина оставил мертвым в воде, сам услажден древом, напоен апостольскими источниками и упокоивался под тенью финиковых деревьев, тот делается уже способным принять Самого Бога. Ибо камень, как говорит Апостол, есть Христос (1 Кор. 10,4), для неверных сухой и упорный, а как скоро приложит кто жезл веры, делающийся удобоприемлемым для жаждущих и текущим внутрь приемлющих Его: Я и Отец Мой, говорит Он, придем и обитель у Него сотворим (Ин. 14,23).

Но достойно также не быть оставленным без особого внимания и то, что по переходе чрез море после того, как услаждена вода путникам добродетели, после приятного пребывания при источниках и финиковых деревьях, и после питья из камня, тогда только делается совершенное истощение египетских путевых запасов. И таким образом, когда не осталось у них никакой иноплеменной пищи, взятой из Египта, свыше истекает пища, какая-то вместе разнообразная и однообразная; ибо по видимости была она однообразна, но в качестве имела разнообразие, для каждого делаясь сообразною роду его пожеланий. Чему же сим научаемся? Тому, сколькими очистительными средствами надлежит очищать себя человеку от египетской и иноплеменной жизни, чтобы влагище души своей соделать пустым от всякой греховной пищи, какую уготовляют Египтяне, и потом уже чистою душою принимать в себя свыше сходящую пищу, которую не сеяние при помощи земледелия произрастило нам, но которая есть готовый не сеянный и не ораный хлеб, сходящий свыше, обретаемый же на земле.

По загадочному смыслу истории, без сомнения, уразумеешь сие истинное брашно (Ин. 6,55), а именно, что хлеб сходящий с небес (33) не есть что либо не телесное. Ибо не телесное как будет пищею телу? А не телесное, без сомнения, не есть тело. Тело же хлеба сего не возделывало ни орание, ни сеяние; но земля, оставаясь такою, какова она есть, оказывается исполненною сей Божественной пищи, которой причащаются алчущие, сим чудотворением предварительно научаемые таинству Девы. Посему невозделанный сей хлеб есть и Слово, при разнообразии качества изменяющее силу свою соответственно способности ядущих; ибо не только может быть хлебом, но соделывается и млеко, и мясом, и овощем и всем, что есть только пригодного и нравящегося из предложенного в пищу, как учит предложивший нам, ученикам своим таковую трапезу, божественный Апостол Павел, который слово свое обращает для более совершенных в твердую и плотную пищу, и для изнемогающих в зелье, для младенствующих же в молоко (1 Кор. 3,2).

А те чудеса, какие повествуют о сей пище история, служат уроками для жизни добродетельной. Ибо говорит она, что всем предлагалась равная доля пищи, не по различию силы собирающих, не избыточествовала сверх потребности, и не имела недостатка (Исх. 16,18). А это, по моему рассуждению, есть совет, вообще предлагаемый всем, добывающим вещественные средства к поддержанию жизни, – не переступать пределов потребности, но хорошо знать, что в деле пропитания для всего одна мера – дневное продовольствие. Если приготовлено во много крат больше потребности, чреву не свойственно преступить собственную свою меру, и оно не расширяется по мере избытка припасов; но, как говорит история, у того, кто собрал много, не было лишнего, потому что негде было положить излишнее, и у того, кто мало, не было недостатка: каждый собрал, сколько ему съесть (Исх. 16,18); потому что потребность удовлетворялась соразмерно с найденным. А тем, что у скрывающих излишнее, избыток превращается в червей, слово сие некоторым образом громко вопиет любостыжательным, что все, удерживаемое сверх потребности, по этому любостыжательному вожделению на следующий день, то есть, в ожидаемой жизни, для сокрывавшего это делается червем. Но кто слышит о черве сем, тот, конечно, поймет сие о черве не умирающем, которому дает жизнь любостыжательность.

А то, что отложенное только на субботу оставалось целым, не подвергаясь никакой порче, заключает в себе такой некий совет: тогда полезно для тебя любостыжательное произволение, когда собираемое не терпит порчи; тогда полезно для нас делаемое когда, перешедши пяток сея жизни, по смерти будем в бездействии: ибо день предшествующий субботе есть и именуется приготовление (пяток) к субботе; а это есть настоящая жизнь, в которую заготавливаем себе нужное для жизни грядущей. В ней не совершается ни одного из дел, дозволенных нам ныне, ни земледелия, ни торговли, ни военной службы, ни чего либо иного, озабочивающего нас здесь, даже и вовсе ничего; но живя в совершенном покое от таковых дел, будем собирать там плоды семян, посеянных нами ныне в настоящей жизни, – и плоды нетленные, если семена настоящей жизни добрые, – тленные же и гибнущие, если таковыми произрастит их нам делание сей жизни. Ибо сказано: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную (Гал. 6,8). Но одно уготовление к лучшему, в собственном смысле, именуется пятком: почему постановляется он законом; и отложенное при оном есть нетление. Но разумеемое в противном смысле должно быть наименовано не пятком, а превращением пятка. Потому-то один только пяток, служащий к преспеянию, узаконивает людям история, о противоположном же смысловым дает разуметь самым умолчанием. Но как при воинских наборах предводитель воинства сперва обращает внимание на заготовление съестных припасов, и потом уже дает знак выходить на войну: таким же образом и воины добродетели, приняв запас таинственной снеди, потом уже начинают брань с иноплемениками, предводителем в битве имея преемника Моисеева Иисуса. Примечаешь ли, как последовательно идет слово? Пока человек, угнетенный лукавым мучительством, еще немощен, не мстит врагу сам собою; потому что не в силах: но другой сражается за немощных, и наносит врагу удар за ударом. Когда же освободится от рабства преобладающим, усладится деревом, упокоится от трудов в пристанище под финиковыми деревьями, познает таинство камня и приобщится небесной пищи; тогда уже, не чужою рукою мстит неприятелю, но, как бы вышедши уже из детского возраста, и достигнув цветущей юности, сам собою вступает в борьбу с сопротивником, имея военачальником, не Моисея,—служителя Божия, но Самого Бога, у Которого Моисей был служителем. Ибо закон, данный в начале в образ и сень грядущего, не остается ратоборствующим в действительных борьбах, – военачальствует же исполнитель закона и преемник Моисеев, предвозвещаемый соименностью тогдашнего военачальника.

А народ, если видит руки законодателя воздетыми, берет в битве верх над врагом: если же видит опущенными, уступает врагу. И воздеяние Моисеевых рук означает взгляд на закон с понятиями самыми высокими, а преклонение к земле – низкое, по земле пресмыкающееся, истолкование и наблюдение закона по его букве. Отягчавшие руки Моисеевы поддерживает священник, употребляя содействием близкого ему по роду. И это не вне связи с рассмотренным; потому что истинное священство, по причине соединенного с ним Божия слова, тяготою иудейского смысла до земли униженную действенность закона снова возводит на высоту, и упдающий закон подпирает камнем, чтобы он, восстав, под образом воздаяния рук, показывал взирающим свою цель. Ибо действительно способными сие видеть в законе наипаче усматривается таинство креста. Посему говорит где-то Евангелие, что ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона (Мф. 5,18), означая в сказанном две черты, одну поперек и другую сверху в низ, которыми рисуется образ креста, что было видимо тогда и в Моисее, который разумеется здесь вместо закона, и для взирающих на нею служит причиною торжества и победы.

Последовательным опять неким восхождением слово руководствует мысль нашу на высоты добродетели, Ибо кто подкрепился в силах пищею, показал эту силу в борьбе с противниками и оказался победителем над противоборствующими, тот возводится тогда к таинственному оному боговедению. А сим научает нас слово, в чем и сколько надлежит преуспеть по жизни, чтобы осмелиться потом приступить мыслию к горе боговедения, услышать глас труб, войти во мрак, где Сам Бог, [и начертать на скрижалях Божественные письмена, – и если они сокрушатся по чьему либо прегрешению, снова представить Богу руками истесанные скрижали, и чтобы на них Божественным перстом начертались письмена, не приведенные в исполнение на первых.

Но лучше будет последовательно по порядку самой истории приспособить смысл ее к высшему разумению. Когда, кто, взирая на Моисея и на облако (которые оба путеводят идущих стезею добродетели, и Моисей при этом заменяет законные предписания, а облако – предводителя в законе), умом достигшим чистоты. в прохождении чрез воду, убив и отделив от себя иноплеменика; вкусит Мерры, то есть, жизни, удаленной от удовольствий, которая на первый раз кажется вкушающим горькою и противною, а в приявших дерево производит сладостное ощущение; и потом насладившись красотою евангельских финиковых деревьев и источников, исполнившись живой воды, которая есть камень, приняв в себя небесный хлеб, и показав свое мужество над иноплемениками, при чем причиною победы служит воздеяние рук законодателя, предуказующее

собою таинство креста: тогда возводится он к созерцанию превысшего Естества. Путем же к такому ведению бывает для него чистота, не только тела, очищаемого какими-либо окроплениями, но и одежд, измоченных водою от всякой нечистоты. А сие значит, что намеревающемуся приступить к созерцанию всего сущего, должно очистить себя во всем, быть чистым и не скверным по душе и по телу, омывшим с себя нечистоту соответственно душе и телу,—чтобы могли мы оказаться чистыми пред Тем, Кто видит сокровенное, и чтобы благоприличие в видимом сообразно было внутреннему расположению души. Посему-то пред восхождением на гору, по Божию повелению, измываются ризы (Исх. 19,10), и ризами гадательно означает благоприличная наружность жизни. Ибо никто не скажет, что эта чувственная нечистота риз для восходящих к Богу бывает препятствием к сему восхождению; напротив того думаю, что ризами прекрасно именуется вся наружность житейских занятий. Исправив это, и как можно дальше, отогнав от горы стадо бессловесных, приступает потом человек к восхождению до высоких понятий. А что ни одному бессловесному не дозволяется являться у горы, это, по моему предположению, значит, что в созерцании умопредставляемого превышает знание, доставляемое чувством. Ибо природе бессловесных свойственно распоряжаться по одному чувству без участия ума: ими руководит зрение: нередко и слух приводит в стремление к чему-нибудь, и все иное, от чего чувство приходит в деятельность, имеет великую силу в бессловесных. Созерцание же Бога совершается не по видимому, и не по слышимому, и никаким из обыкновенных понятий не объемлется; ибо сего не видел глаз и не слышало ухо, и это не есть что-либо из входящего обыкновенно на сердце человеку (1 Кор. 2,9). Напротив того, намеревающемуся приступить к уразумению высокого, надлежит предпочистить нрав свой от всякого чувственного и бессловесного движения, омыв ум от всякого мнения, составляемого по какому либо предположению, и отлучив себя от привычного собеседования с своею сожительницею, то есть, с чувственностью (она есть как бы супруга и сожительница нашей природы); и когда станет кто чист от всего этого, тогда уже осмеливаться ему приступить к горе.

Подлинно крутая и неприступная гора – богословие, и к подгорию его едва подходит большая часть людей; разве кто Моисей, и при восхождении будет вмещать в слух звуки труб, которые, по точному слову истории, по мере восхождения делаются еще более крепкими (Исх. 19,19). А проповедь о Божием естестве действительно есть труба, поражающая слух; велико открываемое с первого раза, но больше и важнее достигающее до слуха напоследок. Закон и Пророки вострубили о Божественной тайне домостроительства о человеке: но первые гласы слабы были для того, чтобы достигнуть до непокорного слуха; и потому отяжелевший слух Иудеев не принял гласа труб. Но с продолжением времени трубы, как говорит Писание, сделались более крепкими; потому что последние звуки, изданные евангельскою проповедью, достигли слуха. Так Дух впоследствии громче звучал в своих орудиях, и звук делался более напряженным. Орудия же, издававшие один духовный звук, были Пророки и Апостолы, от которых, как говорит псалмопение: По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их (Пс. 18,5).

Если же множество не вмещает сходящего свыше гласа, но предоставляет самому Моисею узнать тайны и преподать народу учение какое дознает тон по наставлению свыше: то это введено и в церкви. Не все сами собою доходят до уразумения тайн, но, избрав из себя способного вместить божественное, с благопризнательностию преклоняют пред ним слух, почитая верным все, что услышат от сего посвященного в божественные тайны. Ибо не все, как сказано, Апостолы, не все Пророки (1 Кор. 12,29). Но не во многих церквах соблюдается сие ныне. Ибо многие, имеющие еще нужду в очищении от сделанного в прежней жизни, какие-то не омытые, оскверненные житейскими привязанностями, прикрываясь своим неразумным чувством, осмеливаются на божественное восхождение, где приводятся в колебание собственными своими помыслами; потому что еретические мнения делаются какими-то камнями, совершенно погребаящими под собою самого изобретателя худых учений.

Что же означается тем, что Моисей пребывает во мраке, и в нем только видит Бога? Ибо повествуемое ныне кажется несколько противоположным первому богоявлению. Тогда Божество видимо было во свете, а теперь – во мраке. И этого не почитаем выходящим из ряда представляющегося высшему нашему взгляду. Учит же сим слово, что ведение благочестия в первый раз бывает светом для тех, в ком появляется. Почему представляемое в уме противоположно благочестию есть тьма, а отвращение от тьмы делается причастием света. Ум же, простираясь далее, с большею и совершеннейшею всегда внимательностью углубляясь в уразумение истинно постижимого, чем паче приближается к созерцанию, тем более усматривает несозерцаемость Божественного естества. Ибо оставив все видимое, не только, что восприимлет чувство, но и что видит, кажется, разум, непрестанно идет к более внутреннему, пока пытливостью разума не проникнет в незримое и непостижимое, и там не увидит Бога. Ибо в этом истинное познание искомого; в том и познание наше, что не знаем, потому что искомое выше всякого

познания, как бы неким мраком, объято отовсюду непостижимостью. Посему, и возвышенный Иоанн, бывший в сем светозарном мраке, говорит: Бога же не видел никто никогда (Ин. 1,18), решительно утверждая сими словами, что не людям только, но и всякому разумному естеству, недоступно ведение Божией сущности. Посему Моисей, когда стал выше ведением, тогда исповедует, что видит Бога во мраке, то есть, тогда познает, что Божество в самом естестве Своем то самое и есть, что выше всякого ведения и постижения. Ибо сказано: видел Моисей во мраке Бога (Исх. 20,21). Кто же Бог? Тот, Кто положи тьму покров Свой (Пс. 17,12), как говорит Давид. В этом мраке и посвященный в тайны.

Но бывший там, чему предварительно наставлен был мраком, тому снова обучается мраком же, чтобы, как думаю, для нас стало тверже это учение, засвидетельствованное Божиим гласом. Ибо слово Божие, во-первых запрещает людям уподоблять Божество чему либо познаваемому (Исх. 20,4); так как всякое понятие, согласно с каким либо удобопостижимым представлением составляемое по некоему естественному уразумению и предположению, созидает Божий кумир, а не возвещает о Самом Боге. Но добродетель по благочестию делится на два вида, относясь частью к Божеству, а частью к преспеянию нравов; потому что и чистота нрава есть часть благочестия. Посему, дознав во-первых, что надлежало познать о Боге (а познанием было не знать о Боге ничего познаваемого человеческим разумением), потом научается Моисей и второму виду добродетели, дознав, какими упражнениями достигаем преспеяния в добродетельной жизни.

После сего Моисей вводится в нерукотворенную скинию. Кто же последует за ним, когда входит он в таковые тайны и столько возвышается умом? Тот, кто, как бы ступая с вершины на вершину, восхождением на высоты непрестанно становится выше и выше себя самого. Так Моисей, сперва оставляет подгорье, отделившись от всех оказавшихся немощными к восхождению. Потом приемлет слухом гласы труб, возносясь на высоту восхождения. При сем проникает в невидимое святилище боговедения, и даже в нем не останавливается; но переходит в нерукотворенную скинию: ибо в этом встречает действительно предел и сам возвысившийся таковыми восхождениями. Мне кажется, что и в другом смысле небесная труба делается учителем для восходящего к нерукотворенному входу. Ибо устройство небесных чудес, взывающее о являемой в существах премудрости и проповедующее в видимом великую славу Божию, по сказанному: небеса проповедуют славу Божию (Пс. 18,2), по ясности и доброзвучности наставления само делается велегласною трубою, как говорит один из Пророков: вострубил Бог свыше. А кто очистил себя и изострил слух сердца, тот, приняв сей звук, разумею производимый обозрением существ, путеводится им к ведению Божией силы, так что проникает разумом туда, где Сам Бог. Сие-то в Писании именуется мраком, который по толкованию, как сказали мы, означает неведомое и незримое. В нем-то быв Моисей, видит нерукотворенную оную скинию, которую показывает дольним в вещественном подобии.

Посему, какая же это нерукотворенная скиния, показуемая Моисею на горе? Та, на которую повелевается ему взирать, как на первообраз, чтобы рукотворенным устройством ее показать нерукотворенное чудо. Эти золотые столпы, утвержденные на серебряных основаниях и с серебряными также надглавьями; эти еще другие приличные столпы, у которых надглавья и основания из вещества меди и в середине между концами серебро; внутри же у всех столпов – дерево, не принимающее в себя гнилости; от наружности кругом разливается блистание таковых веществ; некий также кивот сияет чистым золотом; и то, на чем держится золотой этот оклад – тоже дерево, не принимающее в себя гнилости. При сем некий светильник, один в стволу при основании, а к верху делящийся на семь ветвей, с равным числом кругов на ветвях. Вещество светильника – золото, в составе его никакой пустоты, ни даже деревянной внутри опоры. Сверх сего алтарь, очистилище и, так называемые, херувимы, которых крылами осенен ковчег – все это было золото, не на внешней только поверхности имело доброцветность, но все было цельное, одно и тоже вещество простиралось внутрь до самой глубины. Сверх того были испещренные завесы ткатского искусства, в которых разные цветы для красоты ткани взаимно были переплетены между собою; сими завесами отделялось в скинии, и что было видимо и доступно некоторым из священнодействующих, и что для всех непроницаемо и недоступно: и прежде упомянутой части имя было: святое: а сокровенной: святое святых. Кроме того купели, кадильники, облачение внешними опонами, опоны власяные и кожи, окрашенные в красный цвет, – это и все прочее, что Моисей приготовляет по Божью слову, какой ум уразумевает во всей точности? чему нерукотворенному служит сие подобием? Какую пользу взирающим приносит это вещественное подобие виденного Моисеем на горе?

Но хорошо, кажется мне, поступим, точное рассуждение о сем предоставив тем, которые имеют силу духом испытывать глубины Божии, если только найдется кто либо таковой, что может, как сказал Апостол, духом глаголать тайны (1 Кор. 14,2). А что о предложенном мнении сказано нами

по догадке и предположительно, то предоставим на суд читателям признать достойным того, чтобы это, или отвергнуть, или принять, как принявший на себя суд решит своим умом. Посему, последуя Павлу, отчасти раскрывающему в этом тайну. и взяв для себя в сказанном хотя малый предлог, утверждаем, что Моисей в образе научен был тайне скинии, объемлющей собою вселенную. Скиния же сия да будет Христос, Божия сила и Божия Премудрость; она нерукотворенна по собственному своему естеству, допускает же устройство, когда должно стало скинии сей быть водруженною в нас; так что некоторым образом она есть и не созданная и созданная; как предсуществующая, она не сотворена, а как приявшая сей вещественный состав, стала сотворенною. Сказуемое нами, вероятно, не неясно для приивших в точности таинство нашей веры. Ибо единое из всего, и что было прежде веков, и что произошло напоследок веков, что не имело нужды во временном происхождении (как иметь нужду во временном рождении тому, что прежде времен и веков?), и ради нас, но безрассудству растливших бытие свое, допустило то, что пришло в бытие, подобно нам, чтобы ставшее вне сущего снова возвести в сущее. А это есть едиnorodный Бог, в Себе все объемлющий, но и в нас водрузивший Свою скинию.

Если же скинию именуется столь великое благо, то нимало не смущайся, христороубец, что заключающаяся в речении выразительность умаляет величие естества Божия; ибо и никакое другое из имен недостойно естества, означаемого им, но все одинаково ниже точного значения, как признаваемые малыми, так и те, в которых предположительно усматривается некое величие понятий. Но как из всех прочих имен каждое в известном значении благочестиво употребляется в показание Божией силы: – таковы, например, имена: врач, пастырь, покровитель, хлеб, ангел, виноградная лоза, путь, дверь, обитель, вода, камень, источник и все иное, что говорится о Боге: так в некоем боголепном значении именуется Он и сим словом: скиния. Ибо всеобъемлющая существа сила, в которой обитает вся полнота Божества, этот общий покров вселенной, Тот, Кто все в Себе содержит, в собственном смысле именуется скинию.

Необходимо же, чтобы ведение было соответственно имени, и каждая часть видимого руководила к какому либо взгляду, открывающему боголепное представление. Итак, поскольку великий Апостол говорит, что завесою в дольней скинии есть плоть (Евр. 10,20), говорит же, думаю, потому, что состав ее из различных четырех стихий, и вероятно самому Апостолу, когда было ему видение скинии, и восхищен он был в пренебесные святилища, открыты были духом тайны рая: то хорошо будет обратить внимание на сие частное истолкование, приноровить к части и целый наш взгляд на скинию. Извлечем же из собственных слов Апостола объяснение загадочных представлений о скинии. В одном месте говорит он об Единородном, Которого разумеет под скинию: ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано (Кол. 1,16). Посему добровидные и златокованные столпы, носила, кольца и эти херувимы, прикрывающие крылами кивот, и все прочее, что заключает в себе описание сооружения скинии, (если кто, взирая на это, будет иметь высший взгляд) суть премирные силы, созерцаемые в скинии, по Божественному изволению поддерживающие собою вселенную. Там истинные наши посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение (Евр. 1,14), – как бы кольцами какими прикрепленные к спасаемым нашим душам, лежащих на земле поднимающие на себе в высоту добродетели. О Херувимах же Писание сказав, что они крылами покрывают таинства, положенные в кивоте завета, подтверждает сим представленный нами взгляд на скинию: ибо знаем, что сие имя употребляется о тех силах, окрест Божия естества созерцаемых, которые видели умом Исаия и Иезекииль. Да и кивот завета, покрываемый крылами, да не представляется чем-то странным для слуха; ибо и у Исаии дознаем подобное сему, загадочно сказанное Пророком о крылах. Здесь упоминается кивот, а там лице, но под тем и другим одно существо разумеется, чем, как мне кажется, и дается нам понять, что взгляд на неизреченное недоступен. И если слышишь о светильниках, отдельно держащихся на одном свечнике, чтобы возсиявающий всюду свет был богат и обилен; то не погрешешь рассуждая, что сей скинии приличны многообразные облистания Духа, как говорит Исаия, различая семь светлостей Духа (Ис. 11,2). А очистилище, думаю, не требует и истолкования, так как сокровенное его значение раскрыто Апостолом, который говорит: которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру (Рим. 3,25) душ наших. Слыша об алтаре и алтаре кадильном, представляя мысленно непрестанно совершаемое в сей скинии поклонение пренебесных сил; ибо сказано, что язык, не только земных и преисподних, но и небесных воссылает хвалу Началу всех: а это есть приятная Богу жертва, плод уст, как говорит Апостол (Евр. 13,15), и благоухание молитв. Если же в числе преобразований усматриваем окрашенную кожу и волосяные ткани: то сим не нарушается неразрывная цельность взгляда.

Пророческое око, пришедши в видение Божественного, усматривает там предопределенное спасительное страдание, которое означается тем и другим из сказанного. Как красный цвет толкуется: кровь; так волосы: умерщвление; потому что волос на теле лишен ощущения, почему и

служит знаком в собственном смысле мертвости.

Итак сие-то усматривает в этом Пророк, когда возводит взор к горней скинии. Если же кто обратит взгляд на дольную скинию; то, поскольку у Павла нередко Церковь именуется Христом, хорошо сделает, признав, что служители Божественного таинства, которых Писание называет столпами Церкви, а также Апостолы, учителя и Пророки, именуются одними и теми же именами. Ибо не Петр только, Иоанн и Иаков суть столпы Церкви; и не один Иоанн Креститель был светильник, горящий и светящийся (Иоан. 5,35): но и все послужившие утверждением Церкви, и по делам своим соделавшиеся светилами, называются и столпами, и светильниками. Вы есть свет мира, говорит Господь Апостолам (Мф. 5,14). А Божественный Апостол и другим еще повелевает быть столпами, говоря: будьте тверды и непоколебимы (1 Кор. 15,58), и Тимофея устроил он в прекрасный столп, соделав его, как сам выражается, столпом и утверждением истинной Церкви (1 Тим. 3,15). В сей скинии всегда видимы и жертвы хваления и фимиам молитвы, приносимые и утром и вечером. Дает же сие разуметь великий Давид, исправляя в воню благоухания пред Богом фимиам молитвы, и с воздеянием рук священнодействуя жертву (Пс. 140,2). А кто слышит о купелях, тот, без сомнения, представит в уме таинственной водою омывающих скверну грехов: купелью был Иоанн, во Иордане омывая крещением покаяния; купелью был Петр, однажды вдруг три тысячи приведший к воде; купелью был Филипп для евнуха Кандакии. Купелями бывают и сообщающие благодать всем причащающимся сего дара. Не погрешит против надлежащего разума, кто предположит, что опоны (Исх. 26,1), во взаимном между собою соединении объемлющие вокруг скинию, означают исполненное любви и мира единомыслие верующих. Ибо так истолковал Давид, который говорит: утверждает в пределах твоих мир (Пс. 147,3). А кожа червленая (14) и опоны власяные (7), служащие к украшению скинии, получают сообразное себе значение, то есть, умерщвление греховной плоти, загадочно изображенное червlenою кожей, и суровый образ жизни по воздержанию, чем особенно украшается скиния Церкви, потому что кожи, не имеющие в себе данной природою жизненной силы, от червlenой краски делаются благоцветными. А сие научает нас тому, что цветущая Духом благодать не в ком другом бывает, а только в умертвивших себя греху. Если же червlenым цветом означает в слове целомудренная стыдливость, то охотно соглашаюсь на сие суждение. Но сплетение волос, производя грубую и жесткую для осязания ткань, дает подразумевать суровое воздержание, изнуряющее силы неразлучных с нами страстей: все же подобное сему доказывает собою девственная жизнь, изнуряющая плоть живущих так. Если же внутренность скинии, называемая: святое святых, для многих недоступна: то и сего не почитаем противоречащим последовательности наших разумений. Ибо истина сущих действительно есть нечто святое, даже святое святых, и для многих неприкосновенное и непрístupное. Поскольку она пребывает в сокровенной и неизглаголанной глубине таинственной скинии, то познанию превышающих понятие сущих надлежит быть не пытливым. Должно веровать, что искомое есть, однако же не подлежит взорам всех, а пребывает неизглаголанным в сокровенных глубинах мысли.

Сему и подобному научившись из видения того, что в скинии, достигшее до чистоты и возведенное на высоту таковыми зрелищами душевное оно Моисеево око снова восходит на самый верх иных представлений, изучая облачение священства. Сюда принадлежит риза внутренняя (Исх. 28,31), риза верхняя, и этот сияющий блеском различных камней наперсник (4), и повязка на голове, и над нею диадема (Исх. 29,6), надраги (Лев. 6,10), яблоки, позвонки (28,33). Потом поверх всего слово и явление, и в обоих усматриваемая истина, также с обеих сторон примкнутые к ним нарамники с начертанными на них именами патриархов. Множество сих облачений, да и самые именованья их таковы, что не возможно точное в подробности их обозрение. Ибо что за наименования телесных одежд: – явление, слово, истина? Конечно сим явно показывается, что историю описывается не это, не чувственное облачение, а душевное убранство, истканное добродетельными предначинаниями. Цвет поддир – синета (28,32); некоторые же из объяснявших слово сие прежде нас говорят, что сим цветом означает воздух. Но действительно ли таковой цвет имеет какое либо сродство с цветом воздуха, сего не намерен я утверждать в точности: но и не отвергаю утверждаемого: потому что понятие сие согласно с надлежащим взглядом на добродетель, а именно, требует, чтобы намеревающийся быть священнослужителем пред Богом, тело свое представить в священнодействие, и соделаться не мертвенным закланием в жертве живой и в служении словесном, не повреждал души каким либо грубым и многоплотным облачением жизни, но чистотою оной, подобно какой-либо паутинной нити, утончал все житейские предначинания, приближался к тому, чтобы стать парящим горе, легким, воздушным, и сокрушить в себе это телесное естество. В таком случае, когда услышим последнюю трубу, по гласу Повелевающего, оказавшись необремененными и легкими, превыспренно, вместе с Господом, понесемся по воздуху, никаким бременем не увлекаемые на землю. Посему кто, по совету Псалмопевца, так, суетен всякий человек (Пс. 38,12), тот облекся в воздушный оный хитон, нисходящий от главы до края ног.

Закон требует, чтобы добродетель не была в чем либо скудна. Посему золотые звонцы, привешенные к пуговицам, означают сияние добрых дел. Ибо два рода деятельности, которыми собирается богатство добродетели: вера в Бога и совестьливость в продолжение жизни; вот те пуговицы и звонцы, которые великий Павел придает одежде Тимофеевой, говоря, что должно ему иметь веру и добрую совесть (1 Тим. 1,19). Итак часто и велегласно да звучит вера в проповеди о святой Троице; а жизнь да уподобляется свойству гранатового плода: ибо наружная сторона сего плода негодна в пищу, будучи покрыта твердою и жесткою скорлупой, но внутренность приятна для зрения по разнообразию и строгому порядку в устройстве плода, а еще приятнее для вкуса, услаждая чувство. И любомудренная и суровая жизнь, будучи непривлекательна и неприятна для чувства, исполнена благих надежд, услажденная собственным своим плодом. Ибо, когда Делатель наш раскроет в свое время гранатный плод жизни, и покажет красоту заключенного в нем, тогда вкушающим сладостно будет причащение собственных своих плодов. И Божественный Апостол говорит негде: всякое наказание в настоящее время, то есть, что первоначально встречается прикасающемуся к гранатовому плоду, кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности (Евр. 12,11): это сладость охотно вкушаемой внутренности.

Повелевает же Писание, чтобы хитон сей был и с ометами: ометы же сии суть шаровидные привески, привешиваемые не ради нужды, но для украшения. А из сего дознаем, что не заповедью только должна измеряться добродетель, но нужно, чтобы и нами было нечто изобретаемо из примышляемого отвне, и к одежде придавалось некое прибавление украшения, как и поступал Павел, от себя соплетавший прекрасные ометы к заповедям. Хотя закон повелевает что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника (1 Кор. 9,13), не запрещает иметь спутницу сестру жену (5), и проповедующим Евангелие жить от благовествования (14); Павел проповедует Евангелие даром, терпя и жажду, и голод, и наготу. Вот те прекрасные ометы, которые прибавлением своим к заповедям украшают хитон.

Потом сверх подира налагаются две ризы, спускающиеся с рамен до персей и по хребту, соединяемые между собою на обоих раменах двумя застежками. А застежками служат камни, из которых каждый имеет начертанными на себе шесть имен патриархов. Ткань сих риз пестрая. Синета сплетена с багрянницею, и червлёный цвет примешан к виссону; а между всем этим рассыпана золотая нить, так что от этой разновидности в цвете одна некая растворенная красота блистает на ткани. А что дознаем из сего, состоит в следующем: верхнее облачение есть все, что собственно составляет украшение сердца, слагается из многих различных добродетелей. Синета сплетается с багрянницею, потому что с чистотою жизни сопрягается царство. Червленица сплетается с виссоном, потому что светлая и чистая жизнь обыкновенно соединена как-то бывает с румянцем стыдливости: просиявающее же между этими цветами золото загадочно дает уразуметь сокровище, предоставленное таковой жизни. Патриархи начертанные на нарамниках немало привносят к таковому нашему убранству: потому что прежними примерами добрых мужей паче украшается человеческая жизнь.

К украшению же верхних риз прилагается еще другое сверху украшение: это – гнезда из чистого золота (Исх. 28,13), висящие на том и другом нарамнике, поддерживающие собою нечто из золота в виде четырехугольника, издающее блеск от двенадцати камней, которые расположены рядами; рядов было четыре, и каждый заключал в себе по три камня. В камнях нельзя было находить сходства у одного с другим, но каждый украшался особенным своим блеском. Таков наружный вид украшения. А подразумеваемое значение гнезд, висящих с рамен – обоедесноручность действующего оружием против сопротивника, чтобы, так как, по сказанному несколько выше, добродетель преуспевает верою и благою в сей жизни совестью, – ясно было, что под прикрытием гнезд безопасен человек с обеих сторон, оставаясь неуязвимым от подобных стрел при помощи оружия правды в правой и левой руке (2 Кор. 6,7). Четырехугольное же украшение, с обеих сторон поддерживаемое гнездами, где на камнях написаны были соименные коленам патриархи, служит покрывалом сердца, и сим слово научает нас, что двумя сими гнездами отразивший стрелы лукавого украсит собственную свою душу всеми добродетелями патриархов, когда каждый из них своим блистанием воссияет на ризе добродетели. А вид четырехугольника да будет для тебя указанием необходимости твердо пребывать в добре, потому что таковое очертание, при прямых сторонах равно опираясь на углы, с трудом прелгается в другой вид. Привязи, которыми украшения сии прикреплялись к плечам, по моему мнению, служат повелением заботиться о высокой жизни, почитать себя обязанными к любомудрию созерцательному присоединять и деятельное, так чтобы сердце служило знаменованием созерцания, а рамена – дел. Голова же, украшенная увяслом, означает венец уготованный жившим хорошо, и его украшает напечатленный на золотом гнезде таинственными начертаниями.

На облеченного в такое украшение не возлагается обувь, чтобы не был он обременен в шествии, и не затруднялся в движении возложением на себя мертвых кож, но тому разумению, какое внушено было при воззрении на гору. Посему, как могла обувь соделаться украшением ноге, будучи при первом тайнодействии отринута, как препятствие к восхождению?

Взошедший же на такую высоту, обозренными у нас по порядку восхождениями, несет в руках богосозданные скрижали, которые содержат на себе Божественный закон, но сами сокрушаются, сокрушаемые ожесточенным упорством согрешивших. Грех же состоял в делании идола, в образе тельца, сего изваянного идолопоклонникам кумира. Моисей, обратив его в порошок, всего растворил в воде, и сделал питием для согрешивших, чтобы всеми мерами привести в уничтожение то вещество, которое послужило людскому нечестию. Сим наипаче тогда и о том, что совершается ныне, в наши времена, пророчески возвещала история. Ибо вся идольская прелесть уничтожена совершенно, будучи истреблена устами благочестивых, которые добрым исповеданием совершили в себе уничтожение нечестивого вещества; и установленные издревле идолослужителями таинства сделались истинно мимотекущею и неосуществимою водою, – истребляемою теми самими устами, которые некогда предавались идолобесию. Ибо, когда видишь, что подверженные прежде такой суете ныне истребляют и уничтожают идолов, на которых была у них надежда: не покажется ли и тебе, что история ясно взывает: всякий идол будет некогда поглощен устами преложившихся от прелести к благочестию?

Моисей вооружает левитов на соплеменников, и они, прошедши стан от края до края, без разбора избивают встречающихся, острию меча предоставив решение участи умерщвляемых; всякого, кто ни попадался, равно предавали они смерти, не различая убиваемых людей, не обращая внимания, враг ли кто, или друг, сторонний или домашний, родственник или чужой: но было одно какое-то направление руки, одинаково и равно устремленное на всякого встречного. Сказание же о сем может служить для нас следующим полезным уроком: поскольку на худое дело умудрились все целым народом, и все ополчение участвовало в грехе, как один человек: то и бич поражает их без различия. Как наносящий удары застигнутому в каком либо грехе налагает бич на какую бы то ни было часть тела, зная, что боль, ощущаемая в одном члене, сообщается и всему телу: так, поскольку в этом теле, решившемся на грех, всякой член наказываем был одинаково, то бич, обращаемый на части, целомудривал целое. Посему, если иногда равный грех усматривается во многих, гнев же Божий действует не на всех, но только на некоторых; то надлежит разуметь сие так, что Бог по человеколюбию исправляет сделанное, и хотя не все несут на себе удары, однако же все целомудриваются, и отвращаются от греха ударами частными. Но это еще только исторический смысл написанного, применительный же смысл может оказать нам пользу таким образом: законодатель в общей проповеди говорит всем: кто Господен, иди ко мне (Исх. 32,26), то есть, таков глас закона, повелевающий всем: кто хочет быть другом Божиим, да будет другом мне – закону; потому что друг закону, конечно, и друг Божий. И собравшимся к нему по такой проповеди дает повеление действовать мечем против брата, и друга, и ближнего. Взвизывая же на последовательность сего обозрения, разумеем сие так: всякий, помышляющий о Боге и законе, очищается убиением в себе того, что усвоил он на зло себе. Ибо не всякий брат, друг и ближний в Писании понимается хорошо: но иной бывает и брат и чужой, и друг и враг, и ближний и супротивник. Разумеем же под сими именами всегдашние наши помыслы, которых жизнь соделывает нашу смерть, а смерть – нашу жизнь. Таковое понятие согласно с сказанным уже в исследовании об Аароне, когда, по причине содействия его Моисею, представили его сподобником, хранителем ангелом, творящим знамения в устрашение Египтян, справедливо имеющим право, как на имя старшего, потому что естество ангельское и бесплотное создано прежде естества нашего, так и на имя брата по сродству умопредставляемого ангельского естества с нашим умопредставляемым естеством.

Поскольку же имеет место возражение: как можно полагать, чтобы служило к лучшему содействие Аарона, который стал для Израильтян служителем при сотворении идола, то слово наше, и выше еще упоминая о сем, объяснило несколько подобоименность братства, а именно, что не одно и тоже означает всегда одним и тем же речением, когда одно имя берется в противоположных понятиях. Инаков брат, который истребляет египетского мучителя, и инаков также, который делает Израильтянам идола, хотя имя у обоих и одно. На таковых-то братьев Моисей обнажает меч. Ибо, о чем дает повеление другим, тоже равным образом узаконивает и себе. А убиение такого брата есть уничтожение греха. Ибо всякий, кто уничтожил зло, утвердившееся в ком либо по совету супротивника, и в себе убил это зло, жившее некогда грехом. Такое о сем мнение да одерживает паче верх в нас, если и другое нечто возьмем из истории для сего обозрения. Ибо говорится, что, по повелению этого Аарона, должно было Израильтянам обобратить у себя серьги (Исх. 32,2), и что обобращение их послужило веществом для идола. Посему что же скажем? То, что Моисей украсил

слух Израильтян серьгами, то есть, законом, а лжеименный брат отъемлет приданное слуху украшение, и делает из него идола. И при первоначальном вторжении греха было некое отнятие серег – совет преслушать заповедь. Может ли другом и ближним первозданных почитаем быть змий, советующий, как нечто полезное и доброе, отступить от Божия повеления? Это и значит отнять у слуха серег заповеди. Посему убивающий таковых братьев, друзей и ближних, услышит от закона оные слова, по сказанию истории, произнесенные Моисеем таковым убийцам. Сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня благословение (Исх. 32,29).

Но благовременно, кажется, войти в слово сие припоминанию о допустивших грех; чтобы дознать, как богозданные скрижали, на которых начертан был божественный закон, падшие из Моисеевых рук на землю, и сокрушенные упорством дольного, Моисей приносит снова, уже не совершенно те же самые, но только с теми же на них письменами. Ибо взяв скрижали из вещества дольного, предложил могуществу Начертывающего на них закон. И таким образом призывает благодать, на каменных досках неся закон, после того, как Сам Бог изобразил слова на камне; потому что и ими путеводимым возможно еще придти в уразумение Божия о нас промышления. Ибо, если истинен божественный Апостол, именуемый скрижали сердца (2 Кор. 3,3), то есть, владычественное души; без сомнения же истинен испытующий духом глубины Божии: то последовательно можно из этого дознать, что естество человеческое, устроенное Божиими руками и украшенное неписанными начертаниями закона, в начале было не сокруσιμο и бессмертно; потому что естественно была в нас согласная с законом воля, обнаруживающаяся в отвращении от зла, и в чествовании Божества. Когда же коснулся нас глас греха, который в первом писании именуется гласом змия, а в истории скрижалей гласом поющих от вина (Исх. 32,18): тогда, пав на землю, природа наша сокрушается. Но истинный Законоположник, прообразом Которого был Моисей, снова из земли нашей истесал себе скрижали нашего естества. Ибо не брак соорудил Ему божественную плоть, но Сам Он делается каменосечцем собственной Своей плоти, исписуемой Божественным перстом. Дух Святой сошел на Деву, и сила Вышнего осенила Ее (Лк. 1,35) Когда же совершилось сие; естество снова приобрело несокрушимость, начертаниями перста соделанное бессмертным. Перстом же во многих местах Писания именуется Дух Святой. И таким образом совершается в такой степени и мере претворение прославления Моисеева, что дольному оку стало невместимо явление оной славы. Изучивший же Божественное таинство нашей веры, без сомнения, не не знает, сколько согласуется с историей сей высший взгляд. Ибо Восстановитель сокрушенной скрижали нашего естества (уразумеешь, без сомнения, в сказанном Того, Кто уврачевал наши сокрушения), поскольку снова в древнюю лепоту возвел сокрушенную скрижаль нашего естества, как сказано, украсив ее Божественным перстом, делается уже невместимым для взоров недостойных, по превосходству славы став неприступным для взирающих на Него. Ибо по истине, когда придет, как говорит Евангелие, во славе Своей и все Ангелы с Ним (Мф. 25,31), и для праведных едва будет востим и видим: а нечестивый и иудействующий, как говорит Исаия, останется непричастным сего видения. Да возьмется нечестивый, говорит, да не видит славы Господни (Ис. 26,10). Но сие ввели мы в речь, следуя порядку рассмотренного относительно к высшему взгляду на сие место; теперь же возвратимся к тому, что следует. Почему тот, о ком Божественный глас свидетельствует, что во многих богоявлениях явственно видел Бога, а именно, когда говорит: лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим (Исх. 33,11), при всем этом, как неподобившийся еще того, чего, по свидетельству Писания, должно признать его сподобившимся, молит Бога явить Себя ему (13.); как будто всегда являвшийся не был еще им видим? И глас свыше хотя соглашается теперь уступить желанию просящего и не отрекается даже присовокупить ему сей благодати, однако же вводит еще в отчаяние, объявляя, что просимое им и невместимо для жизни человеческой. Но есть, говорит Бог, некое у Жене место, и на месте том камень, а в камне расселина, в которой повелевает пребывать Моисею. Потом налагает Бог руку на устье расселины, проходит мимо, и Моисей видит сзади Повелевшего, и остается в той мысли, что увидел, о чем просил, и что обетование Божественного гласа не ложно (21-23).

Если взирать на сие, ограничиваясь буквою, то смысл для ищущих оно, не только останется неясным, но даже и нечистым от превратного о Боге понятия. Ибо у того только, что представляется в очертании, есть и переднее и заднее: а всякое очертание есть предел тела: так что представляющий Бога в очертании не признает Его свободным от телесного естества: всякое же тело, без сомнения, сложно: а сложное имеет состав из соединения разнородностей; и о составном никто не скажет, что оно не разлагаемо; а разлагаемое не может быть нетленным: потому что тление есть разложение составного. Посему, если кто задняя Божия поймет буквально: то последовательно и необходимостью доведен будет до сей нелепости, потому что переднее и заднее, без сомнения, бывает в очертании, а очертание у тела; тело же разлагаемо и разлагается по собственной своей природе; так как разлагаемо все сложное; разлагаемое же не может быть нетленным. Посему, кто рабски следует букве, тот по необходимой связи понятий допустят в Боге

тление. Но Бог нетленен и нетелесен. Какой же посему смысл приличествует написанному, кроме представляющегося с первого взгляда? Если же в связи речи эта часть написанного принуждает нас отыскивать другой смысл: то конечно надлежит тоже разуметь и о целом. Ибо что разумеем в части, подобным сему необходимо принимаем и целое.

Итак и место у Бога, и камень на том месте, и помещение в камне, которое именуется расселиною, и вшествие туда Моисея, и наложение руки Божией на устье, и прохождение мимо, и воззвание, и после сего видение задних, – основательнее будет рассматривать по закону возведения смысла к высшему взгляду. Посему что же изображается сим? Как готовые к падению тела, как скоро приобретут некое стремление катиться по наклонности, хотя после первого движения и никто не будет понуждать их вновь, сами собою сильнейшим порывом несутся вниз, пока путь их покат и клонится к низу, притом не встречается ничего такого, что противным движением пресекало бы их стремление: так вопреки сему душа, отрешившаяся от земного пристрастия, делается несущаяся горе и скорою в этом движении ввысь, воспаряя от дольного в высоту. И как свыше ничто не пресекает ее стремления (естество добра к себе привлекает возводящих к нему взоры): то конечно непрестанно становится она выше и выше себя самой, по вожделению небесного, как говорит Апостол, простираясь в перед (Флп. 3,13), и будет всегда совершать парение к высшему. Ибо по причине уже приобретенного, вождевая не оставляет недостигнутою еще выше усматриваемую высоту, непрерывно продолжает стремление к горнему, тем самым, в чем преуспела, непрестанно обновляя усилие к полету. Ибо одна только деятельность, обращенная к добродетели, питает силы трудом, не ослабляя, но увеличивая делом напряжение к нему. Посему говорим, что Моисей, всегда бывший великим, нимало не останавливается в восхождении, не полагает себе никакого предела в стремлении к горнему: но однажды вступив на лестницу, на которой, как говорит Иаков, утверждается Бог (Быт. 23,13), непрестанно восходит на высшую и высшую ступень, и не престаёт возвышаться; потому что и на высоте находит всегда ступень, которая выше достигнутой им. Отрекается он от ложного родства с египетскою царевною; делается отмстителем за Еврея; переселяется жить в пустыню, которой не возмущала жизнь человеческая; пасет в себе стадо кротких животных, видит сияние света; по снятии обуви необременительным делает восхождение к свету; избирается для освобождения родственного и единоплеменного народа; видит тонущего врага, покрываемого волнами; располагается станом под облаком; утоляет жажду камнем; на небе воздвигает хлеб; потом воздеянием рук побораёт иноплеменника; слышит глас трубы; входит во мрак; проникает во святилище нерукотворенной скинии; изучает тайны божественного священства: уничтожает идола, умилостивляет Божество; возобновляет закон, сокрушенный грехом Иудеев, сияет славою, и превознесенный на такие высоты, пламенеет еще вожделением, ненасытимо ищет большего, и что всегда имел во власти, еще того жаждет; и как не причастившийся дотолде, домогается улучшить это, прося Бога, чтобы явил ему Себя, не в такой только мере, в какой вместить он может, но каков Бог Сам в Себе. Мне кажется, что чувствовать это свойственно душе, которая исполнена каким-то пламенеющим любовью расположением к прекрасному по естеству, и которую от видимой ею красоты надежда влечет всегда к красоте высшей, непрестанно приобретаемым всегда возжигая в ней вожделение сокровенного. Почему сильный любитель красоты, непрестанно видимое им принимая за изображение вождеваемого, желает насытиться видением отличительных черт первообраза. Сие-то и выражает это дерзновенное и преступающее пределы вожделения прошение насладиться красотою, не при помощи каких-либо зеркал, или в образах, но лицом к лицу. Божественный глас дает просимое, в самом отказе не многими речениями показывая какую-то неизмеримую глубину понятий. Ибо щедродаровитость Божия соизволила исполнить желание Моисея; но не обещала ему какого либо успокоения и пресыщения в этом желании. Бог не показал бы Себя своему служителю, если бы видимое было таково, что могло бы успокоить вожделение взирающего. В том и состоит истинное видение Бога, что у взирающего на Него никогда не прекращается это вожделение. Бог говорит: человек не может увидеть Меня и остаться в живых (Исх. 33,20). И сие слово показывает не то, будто бы зрение лица Божия для взирающих делается виною смерти (как возможно лицу жизни стать когда либо виною смерти для приближающихся?); но, поскольку, хотя Божество по естеству животворяще, однако же собственно отличительным признаком Божественного естества служит то, что Оно выше всего отличаемого по признакам; то полагающий, что Бог есть нечто познаваемое, уклонившись от сущего к тому, что признано существующим в способном вместить сие представление, не имеет в себе жизни. Ибо подлинно сущее есть истинная жизнь: а сие не доступно ведению. Посему, если животворящее естество превышает ведение, то постигаемое, без сомнения, не есть жизнь: а что не жизнь, то не имеет свойства соделаться сообщающим жизнь. Посему не исполняется желаемое Моисеем в том, в чем вожделение пребывает невыполнимым. Ибо сказанным научается он, что Божество, по естеству Своему, неопределимо, невключимо ни в какой предел. А если бы Божество могло быть представлено в каком-либо пределе; то по всей необходимости вместе с пределом было бы представляемо и то, что за ним, потому что заключенное в пределы, без сомнения, чел нибудь оканчивается; как пределом для живущих на

суше – воздух, и для живущих в воде – вода. Посему, как рыба во всех своих пределах объемлется водою, а птица – воздухом, среда воды для плавающего, а среда воздуха для летающего, есть крайняя поверхность предела, объемлющая собою и птицу и рыбу, за которою следует или вода или воздух: так, если Божество представляемо будет в пределе, необходимо Ему быть объемлемым чем-либо инородным по естеству, а объемлющему, как свидетельствует последовательность речи, во много крат превосходить содержимое. Но признано, что Божество по естеству прекрасно; а что разнородно с прекрасным, то конечно есть нечто иное, а не прекрасное, и что вне прекрасного, то заключается в естестве зла. А доказано, что объемлющее во много крат больше объемлемого. Посему думающим, что Божество заключено в пределы, по всей необходимости должно согласиться, что Оно объято злом. И как всегда объемлемое умалено пред естеством объемлющим, то следует произойти преобладанию преизобилующего. Итак заключающий Божество в какой-либо предел допускает возможность над прекрасным возобладать противоположному. Но это нелепо. Посему да не разумеется какое либо постижение невидимого естества. Непостижимому же не свойственно быть объемлемым. Напротив того всякое вожделение прекрасного, привлекаемое к оному восхождению, всегда возрастает вместе с желанным шествием к прекрасному. И сие-то значит в подлинном смысле видеть Бога, никогда не находить сытости своему вожделению. Но кто видит, как только можно ему видеть, тому надлежит непрестанно возгораться вожделением увидеть еще больше. И таким образом никакой предел не пресечет приращения в восхождении к Богу, потому что и прекрасному не отыскивается никакого предела, и никаким пресыщением не пресекается усиливающееся вожделение прекрасного.

Но какое это место, разумеемое Богом? какой это камень? И что опять за вместимость в камне? Какая это рука Божия, закрывающая устье пещеры в камне? Какое это Божие мимохождение? что такое задняя Божия, видение чего обещает Бог дать Моисею, просившему зрения лицом к лицу? Без сомнения, всему этому, и в отдельности взятому, надлежит быть чем-то великим и достойным великодаровитости Дающего, чтобы обетование сие можно было признать более величественным и превысим всякого, бывшего уже великому служителю, богоявлению. Посему, как же из сказанного уразумеет кто ту высоту, на которой и Моисей после стольких восхождений желает еще восходить; и Сам, любящим Бога, все содействует ко благу (Рим. 8,28), под Своим путеводительством облегчает восхождение? Вот место у Меня говорит Бог (Исх. 33,21). С объясненным во взгляде сем прежде согласно, может быть, такое понятие. Указав место, Бог не ограничивает указуемого количеством (ибо для некоего нет меры), – но умолчанием об очертании относительно к мере руководит слушателя к беспредельному и неизмеримому. Посему слово, кажется мне, выражает таковую некую мысль: поскольку у тебя постоянно вожделение простирается в перед не имеешь сытости в продолжение своего течения, не знаешь никакого удовлетворения добром, но всегда желание твое стремиться к большему: то у Меня такое есть место, что проходящему оное никогда невозможно прекратить свое течение. Но сие течение в другом смысле есть стояние. Ибо говорит Бог: стань на этой скале (Исх. 33,21). Всего же чуднее это, почему одно и то же есть и стояние и движение. Кто восходит, тот, конечно, не стоит; и кто стоит, тот не восходит. А здесь самое стояние делается восхождением. Это значит, что, чем кто в большей мере пребывает твердым и непреложным, тем успешнее совершает течение добродетели. А кто непостоянен и поползновен в своих помыслах, не стоит твердо в добре, но влается и скитается, как говорит Апостол (Еф. 4,14), колеблемый и сокрушаемый предположениями и сомнениями о существующем,— тот никогда не взойдет на высоту добродетели; подобно тому, как идущие на возвышение по песку, хотя, но видимому, и переходят ногами большое пространство, трудятся без пользы; потому что ступни скользят всегда по песку в низ; так что, хотя и производится движение, но в движении не происходит никакого поступления вперед. Если же кто, как говорит псалмопение, извлеки ноги из глубокой тины, утвердил их на камне (Пс. 39,3), – камень же есть Христос, всесовершенная добродетель, то, чем он тверже водружен в добре и не поступит по совету Павлову (1 Кор. 15,58), тем удобнее совершает течение, как бы некими крыльями, пользуясь сим стоянием, и твердостью в добре окрыляя сердце к шествию горе.

Посему Показавший Моисею место возбуждает к течению поприщем, а обещая стояние на камне, показывает ему способ божественного течения. Вместителище же в камне, которое в Писании именуется расселиною, прекрасно протолковал собственными своими словами божественный Апостол, говоря, что разорившим земную скинию соблюдается в уповании храма нерукотворенная небесная (2 Кор. 5,1). Ибо действительно, кто, как говорит Апостол, течение совершил на этом широком и просторном поприще, которое в божественном Писании наименовано местом, и веру сохранил (2 Тим. 4,7), или как говорится загадочно, утвердил ноги свои на камне: того рука Подвигоположника украсит венцем правды. Но таковая награда в Писании именуется различно. Ибо одно и то же здесь называется расселиною камня; а в других местах сладостью рая (Быт. 3,23), вечным кровом (Лк. 16,9), обителью у Отца (Ин. 14,2), лоном патриарха

(Лук. 16,22), странною живых (Пс. 114,8), водою тихой (Пс. 22,2), вышним Иерусалимом (Гал. 4,26), царствием небесным (Мф. 7,21), почестью звания (Флп. 3,14), венцем благодатей (Пр. 1,9), венцем доброты (Прем. 5,17), столпом крепости (Пс. 60,4), весельем за трапезою, съедением с Богом, престолом суда (Пс. 9,8) местом именитым (Ис. 56,5) и селением тайным (Пс. 26,9). Посему утверждаем, что туже мысль имеют и причисляющие сюда вшествие

Моисеево в камень. Поскольку у Павла под камнем разумеется Христос; все же упование благ, как веруем, во Христе, в Котором, как познали мы, сокровища благ; то пребывающий в каком либо благе, конечно во Христе, содержащем в Себе всякое благо. А кто достиг сего, и покрыт рукою Божиею, как возвестило слово (рука же Божия есть жидущая существа сила, Единородный Бог, Которым все было (Ин. 1,3), Который и для совершающих течение служит местом, как пут их течения, по собственному слову Его (Иоан. 14, 6.), для утвердившихся же делается камнем и для успокоившихся домом): тот услышит тогда призывающего, и будет позади зовущего, то есть, пойдет во след Господа Бога, как повелевает закон. Слыша сие, уразумел великий Давид, и живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, сказал: перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен (Пс. 90,1,4); а сие значит тоже, что быть позади Бога; потому что плечо принадлежит к задним частям. Да и о самом себе взывает Давид: к Тебе прилепилась душа моя; десница Твоя поддерживает меня (Пс. 62,9). Видишь, как согласно с историею псалмопение. Как Давид говорит о восприятии десницею прилинувшего по Богу; так и там касается рука ожидающего Божия гласа в камне, и умоляющего о дозволении следовать позади. Да и Господь, вещавший тогда Моисею, став исполнителем собственного своего закона; подобным сему образом излагает ученикам, раскрывая явный смысл сказанного загадочно. Кто хочет идти за Мною, а не предо Мною, говорит Он (Лк. 9,23). И умоляющему о вечной жизни предлагает тоже самое. Ибо говорит: приди, и следуй за Мной (Мк. 10,21). Но идущий в след видит задняя. Посему Моисей, нетерпеливо желающий видеть Бога, научается теперь, как можно увидеть Бога; а именно, что идти в след Бога, куда ни поведет Он, значит взирать на Бога, потому что мимохождение Божие означает вождение идущего в след. Ибо незнающему пути невозможно безопасно совершить его иначе, как следуя за путеводителем. Посему путеводитель тем самым, что предшествует идущему в след, показывает ему путь. А идущий в след тогда не совращается с прямого пути, когда непрестанно видит задняя вождя. Ибо кто в движении уклоняется в сторону, или направляет взор, чтобы видеть ведущего в лице, тот пролагает себе иной путь, а не указуемый вождем. Почему говорит Бог руководимому: а лице Мое не будет видимо [тебе] (Исх. 33,23), то есть, не станешь лицом к лицу пред ведущим: потому что шествие твое непременно будет в противоположную сторону: доброе не в лице смотрит доброму, но следует за ним. Представляемое в противоположности лицом к лицу противостоит доброму. Ибо порок смотрит вопреки добродетели: добродетель же не представляется лицом к лицу противостоящею добродетели. Посему Моисей смотрит не в лице Богу, но видит задняя Его. А кто смотрит в лице, тот не будет жив, как свидетельствует Божественный глас: человек не может увидеть лице Господне, и остаться живым (20). Видишь, сколько важно научиться, как ходить в след Богу, а именно, после высоких оных восхождений, после страшных и славных богоявлений, к концу только жизни едва достаивается сей благодати научившийся стать позади Бога. Кто так ходит в след Бога, тот уже не встречает никакого столкновения с пороком.

После сего порождается зависть к нему братии: зависть – это начало зловредных страстей, отец смерти, первая дверь греху, корень порока, порождение печали, мать бедствий, повод к непокорности, начало стыда. Зависть изгнала нас из рая, став змием пред Евою; зависть преградила доступ к древу жизни, и совлекши с нас священные одежды, по причине стыда привела к ветвям смоковницы. Зависть вооружила Каина на естество, и произвела семизды отмщаемую смерть (Быт. 4,15). Зависть соделала Иосифа рабом. Зависть – смертоносное жало, скрытое оружие, болезнь естества, желчный яд, добровольное истощение, жестоко язвящая стрела, гвоздь для души, огонь под сердцем, пламень сжигающий внутренности. Для зависти неудача – не собственное свое зло, но чужое добро; и на оборот также для нее удача, – не свое хорошее, но худое у ближнего. Зависть мучится благоуспешностию людей, и посмеивается их бедствиям. Сказывают, что питающиеся мертвыми телами грифы мрут от мира; потому что естеству их сродно зловонное и испортившееся. И одержимый этою болезнью, при благоденствии друзей, как бы от прикосновения какого-то мира, гибнет. Если же следствием бедствия усматривает какое либо страдание, прилетает к страждущему, налагает искривленный свой клюв, извлекая им сокровенные причины безуспешности. Многих прежде Моисея поборала зависть. Но приразившись к сему великому человеку, подобно какому либо глиняному изваянию ударившемуся о камень, сама себя сокрушает. Ибо в этом наипаче и оказалась польза хождения с Богом, которое совершал Моисей, протекающий Божиим местом, ставший на камне, вместились в его расселине, покрываемый Божьею рукою, сзади идущий в след вождя; не в лице ему взирающий, но видящий задняя. Посему, что по мере возможности сделался он наиблаженным, доказывает

сие тем, что идет в след Бога, и притом выше полета брошенной из лука стрелы; потому что зависть пускает стрелу в него, но полет ее не достигает высоты, на которой был Моисей. Тетива лукавства была не в состоянии с такою силою выстрелить в Моисея страстию, чтобы от болевших ею прежде дошла и до него. Но хотя Аарон и Мариам уязвлены были Страстию злоречия (Чис. 12,1), и делаются как бы неким луком зависти, вместо стрел поражая его словом: однако же Моисей столько далек от общения с ними в недуге, что даже врачует заболевших сею страстию, не только сам оставаясь неподвижным к наказанию оскорбивших, но и умиловляя за них Бога, тем самым, что делал, показывая, как думаю, что хорошо огражденный щитом добродетели не будет уязвлен остриями стрел; потому что твердость вооружения притупляет острие и отражает стрелы назад. Оружием же, охраняющим от таких стрел, бывает Сам Бог, в Которого облачается воитель добродетели. Ибо сказано: облекитесь во всеоружие Божье (Рим. 13,14). Вот несокрушимое всеоружие, каким оградившись, Моисей лукавого стрелка соделал бездейственным. Так овладело Моисеем смягчающее влечение к оскорбившим; не не знал он, что справедливо по естеству, и притом в отношении к осужденным на нелицеприятном суде, – но соделался молитвенником за братьев пред Богом. А сего не сделал бы, если бы не был позади Бога, Который для безопасного вождения путем добродетели показал ему задняя.

А таково и прочее за сим последовавшее. Поскольку естественный враг человек не имел возможности сделать вред Моисею; то обращает оружие на тех, кого легче ему уловить. И как бы стрелу какую, пустив в народ страсть чревоугодия, настроил его в пожелании пищи уподобиться Египтянам, небесной оной пище предпочтя едение египетского мяса. Но высокий душою муж, возносящийся выше таковой страсти, всецело предан был будущему наследию, какое обетовал Бог переселенным из мысленного Египта, и шествующим в оную землю, в которой течет млеко смешанное с медом. Посему-то соглядатаев делает некими наставниками, извещающими о благах этой земли. И сими соглядатаями, по моему рассуждению, могли быть, как подающие благие надежды, то есть, помыслы, порождаемые верою, утверждающие в уповании на уготованные блага: так доводящие и до отчаяния в добрых надеждах, то есть, помыслы, внушаемые сопротивником, ослабляющие веру в обетования. Но Моисей, не обращая никакого внимания на сопротивных, признает верным возвещающего об оной земле лучшее. Сообщающий же подтверждением своим верность возвещаемому был предводитель лучшего соглядания, Иисус. На него взирая, Моисей имел твердые надежды на будущее, признаком тамошнего обилия почитая грозд виноградный, принесенный Иисусом на жердях (Чис. 13,24). А слыша об Иисусе, описывающем оную землю, и видя грозд, повешенный на древе, конечно, обратишь мысль к Тому, на что и он взирая, укрепился в надеждах. Ибо грозд, висящий на древе, Кто иной, кроме того в последние дни повешенного на древе Грозда, кровь Которого соделалась спасительным питием для верующих?

После того, как предрек нам сие Моисей загадочно: кровь виноградных ягод (Вт. 32,14), чем указывается на спасительное страдание, снова продолжается путь по пустыне, и народ, отчаявшийся в обетованных благах, томится жаждою. Но Моисей снова наводняет для них камнем пустыню. А такое слово, при умозрительном взгляде, да научит нас тому, что такое – таинство покаяния. Ибо по однократном вкушении воды от камня обратившиеся к чреву и плоти и к египетским удовольствиям осуждаются на глад помыслов о причастии благ. Но возможно им снова при посредстве покаяния обрести камень, который оставили, снова отверзть себе водную струю, снова утолить жажду влагою, какую издает камень тому, кто уверовал, что соглядание Иисусово истиннее соглядания сопротивных, кто взирает на Грозд, за нас источивши кровь и обгащенный кровью, кто снова древом заставил камень источить им воду. Впрочем народ не обучился еще ходить по следам великодушия Моисеева, еще увлекается в рабские похоти, склоняется к египетским наслаждениям. История примером их показывает несколько, что человеческая природа всего более преклонна к таковой страсти, и что тысячи путей ведут к этой болезни. Почему Моисей, как некий врач, умеющий при помощи искусства преодолевать всегда страсть, не позволяет болезни возобладать над ними даже до смерти. Пожелание неуместного породило им змиев, а угрызение сообщило смертоносный яд подвергшимся угрызению: но великий законодатель подобием змия привел в бездействие силу настоящих змиев.

Но время уже яснее раскрыть сию загадку. Одно врачество от злых этих страстей – очищение душ наших, совершаемое таинством благочестия. Главное же, что приемлется верою в таинстве, есть воззрение на страдание за нас Пострадавшего. Страдание же есть крест; почему взирающий на Него, как повествует Писание, не терпит вреда от яда похотения. Взирать на крест, значит всю жизнь свою соделать как бы мертвою и распятою для мира, пребывать неподвижным на всякий грех, как говорит Пророк, пригвоздившим страху Божию плоти своя (Пс. 118,120) Гвоздем же, удерживающим плоти, послужит воздержание. Посему, так как похотение неуместного извлекает из земли смертоносных змиев (потому что всякое порождение лукавого похотения есть змий); то

посему то закон предуказывает нам являемое на древе: и это есть подобие змия, а не змий, как и божественный Павел говорит: в подобии плоти греховной в жертву за грех (Рим. 8,3). А истинный змий – грех; кто предался греху, тот облекается в естество змия. Посему человек освобождается от греха Приявшим на Себя подобие греха, Тем, Кто соделался подобен нам, превратившимся в собственный вид змия, Тем, Кто угрызения делает не смертельными, но не уничтожает самых змиев. Змиями же называю похотения. Ибо взирающие на крест не подвергаются действию на них лукавой смерти; но не вовсе изгибло в них остающееся похотение плоти на дух. И в верных нередко действуют угрызения похотения; но кто взирает на Вознесенного на древо, тот прочь гонит от себя страсть, страхом заповеди, как бы врачевством каким, рассеяв силу яда. А что вознесенный в пустыне змий есть знамение крестного таинства, сему ясно учит Божие слово, когда говорит: И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому (Ин. 3,14).

Грех, по какой-то на зло нам последовательности, свойственным ему путем идет еще далее, как бы непрерывною какою цепью простираясь вперед. И законодатель, как некий врач, вместе с стремлением зла распространяет и свое врачевство. Поскольку угрызение змиев для взирающих на подобие змия (без сомнения, разумеешь сказанное загадочно) соделалось недействительным; то иной способ греха примышляется разнообразно ухищряющимся против нас на подобное сему, как и ныне можно видеть совершающимся это во многих. Иные, когда целомудренною жизнью обуздают страсть похотения, самовольно вторгаются в священство, человеческими происками и усилиями присвоить себе рукоположение, оскорбляя Божие домостроительство. А до сего злого последования греху доводит тот, кого обвиняет история, что он внушает людям злое. Когда земля, по вере в Вознесенного на древо, перестала в наказание похотливым рождать змиев, и убедились, что не повредят им ядоносные угрызения, тогда в освободившихся от страсти похотения входит недуг гордыни. Признавая низким хранить на себе чин, в которой поставлены, сами вторгаются в сан священства, усиливаясь изгнать из него приявших служение сие от Бога; погибли они, поглощенные разверстою землю; а что осталось на земле от подобного скопища, то пожжено молниями. И Писание, думаю, повествованием сим научает, что конец горделивого превозношения есть нисхождение в преисподнюю. И иной на сем, может быть, основании не несправедливо определяет гордость схождением долу. Если же, по предположению многих, мысль о том клонится к противоположному, не дивись сему; ибо многим кажется, будто бы словом: гордость означает – быть выше других. Но истина повествуемого подтверждает наше определение. Ибо если превознесшиеся над другими низошли долу в зиянии разведшейся земли; то никто не осудит определения, по которому гордость есть падение в самые дольные страны. Моисей взирающих на сие научает быть скромными и не превозноситься преспеяниями, но всегда хорошо распоряжаться настоящим. Ибо по той причине, что стал ты выше сластолюбия, не имеешь уже права безотчетно предаваться другому роду страсти. Всякая страсть, пока будет страстию, есть падение; в замене же страстей одной другою нет никакой разности падений. Кто поползнулся от скользкости удовольствий, тот пал; и кто запнулся по гордости, также пал. Ни одного же рода падений не изберет для себя имеющий ум, но равно должен избегать всякого падения, пока оно будет падением. Почему, если и ныне видишь кого, что с одной стороны свободен от недуга сластолюбия, но, стараясь показать, что он выше других, вторгается в священство; то представляй о нем, что видишь его с высоты гордости падающим в преисподнюю.

Ибо в последующем законе учит, что священство есть достояние божественное, а не человеческое, учит же сему так: жезлы каждого колена, означив именами давших, Моисей полагает при алтаре, чтобы жезл, отличный от прочих неким Божественным чудом, соделался свидетельством рукоположения свыше. И поскольку сие исполнилось, жезлы других колен остались тем же, чем были, а жезл иерея, укоренившись в себе самом, не от посторонней какой влаги, но вложенною Р него божественною силою, произрастил ветвь и плод; и плод пришел в зрелость; плодом же был орех; то по совершении сего все подвластные Моисею обучились благочинию. По причине же плода, произращенного жезлом иерейским, надобно придти к мысли, сколько воздержною, строгою и суровою надлежит быть жизни в священстве по внешнему ее поведению, а внутренне, втайне и невидимо какую содержать в себе питательность, что в орехе обнаруживается, когда питательное со временем созреет, твердая оболочка распадается, и деревянистый этот покров на питательном плоде будет сокрушен. Если же дознаешь, что жизнь какого либо, так называемого, иерея похожа на яблоко, благоуханна, цветет, как роза (весьма же многие из них украшаются виссоном и червленицею, утучняют себя дорогими явстами, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями (Ам. 6,6), и все, что только по первому вкушению кажется сладким, признают необходимым для жизни приятной); то прекрасно будет сказать тебе при этом евангельское слово: вижу плод, и по плоду не узнаю древа священства. Инаков плод священства; а инаков этот; тот плод – воздержание; а этот – роскошь; тот земною влагою не утучняется; а к этому с дольных мест стекается много потоков наслаждений, с помощью которых

такой красотою рдеет зрелый плод жизни.

Когда же подчиненные Моисея стали свободны и от этой страсти; тогда вступают в иноплеменную жизнь, между тем как закон при уклонениях в другую сторону ведет их царским путем. Ибо путнику уклонение в сторону опасно. Как если две сдвинувшиеся стремнины оставляют одну тропинку на высоком береговом утесе, то идущему по ней не безбедно туда и сюда уклоняться от середины, потому что на обеих, может быть, сторонах за уклонением последует обрыв со стремнины: так и закон требует от идущего по его следам не оставлять пути, как говорит Господь, узкого и тесного (Мф. 7,14), никакого уклонения ни в лево, ни в право не признавая благоуспешным. И сим словом определяется то учение, что добродетели состоят в середине. Почему всякий порок обыкновенно совершается, или от недостатка, или от нарушения меры, добродетели; например относительно к мужеству робость есть некоторый недостаток сей добродетели; дерзость – нарушение меры; но что свободно от того или другого из сих пороков, то усматривается в середине между ними и есть добродетель. Точно также и все прочее, что заботится о совершеннейшем, держится как то середины между худым соседством; мудрость занимает средину между хитростью и простотою. Непохвальны ни мудрость змия, ни простота голубя, если каждое из сих свойств взять одно, само по себе; но поведение, держащееся середины между тем и другим, делается добродетелью. У кого недостает целомудрия, тот развратен; а кто им избыточествует, тот сжигаем в совести своей, как определяет Апостол (1 Тим. 4,2). Один неудержимо утопает в удовольствиях; другой и браком гнушается наравне с прелюбодейством; поведение же, усматриваемое в середине между сими, есть целомудрие. Поскольку же, как говорит Господь, мир сей лежит во зле (1 Ин. 5,19), а для последователей закона иноплеменно то, что противоположно добродетели, то есть порок: то проходящий жизнь в этом мире безопасно совершит необходимое сие течение добродетели, если сохранит истинно царский путь, углаженный и убеленный добродетелью, нимало не совращаемый пороком на прилежащие распутья. Но как, по сказанному, с восхождением добродетели вместе восходит и злокозненность противника, отыскивающая применительно к каждому поводу к совращению в грех: то, чем более народ возрастал в жизни по Богу, и сопротивник против этих сильных в военном деле употребляет тогда иную кознь. Когда воюющие видят, что полк превосходящих силами врагов неодолим в открытом бою, тогда преодолевает их, ведя переговоры и ставя засады. Так и полчище злобы против укрепившихся законом и добродетелью, не лицом к лицу выводит силы свои, но в каких-то засадах скрытно строит им козни. Поэтому, и злоумышляя на Израильтян, призывает в помощь чародейство. И вот история говорит, что был некий волхв (И. Нав. 13,22) и птицагадатель (Чис. 23,23), по какому-то демонскому действию имел при этом силу вредить, принадлежал же к числу врагов, и властителем Мадиянитян нанят был своими проклятиями нанести вред живущим по Богу; и он то клятву переменял в благословение. А мы из связи рассмотренного доселе уразумеваем, что волшебство недействительно против живущих добродетельно; напротив того подкрепляемые Божию помощью превозмогают всякую кознь. О том, что упомянутой историей занимался птицагадательным волхвованием, свидетельствует она, когда говорит: волхвования в руке его (Чис. 22,7), и совещается он с птицами, а еще прежде сего говорит, как криком ослицы научен, что предстояло его усилую.

Голос этой ослицы (так как волхву обычно было, по какому-то демонскому действию, совещаться с голосами бессловесных) Писание представляет, как бы членораздельным, показывая, что предзанятые таковым демонским обольщением доходят до убеждения принимать за слово по некоему наблюдению из голоса бессловесных извлеченное ими наставление. И волхв, внимая сему, тем самым, чем обольщался, научен, что непреборима сила тех, против кого он нанят. И по евангельской истории к сопротивлению власти Господа готовилось полчище (легион) демонов: но когда приближается к нему Имеющий державу над всеми, возглашает оно о превозмогающей силе и не скрывает истины, что Божие естество – Тот, Кто в надлежащее время наложит наказание на согрешивших. Ибо демонский голос произносит: знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий (Мк. 1,24); и: пришел Ты сюда прежде времени мучить нас (Мф. 8,29). Тоже произошло и тогда; сопровождавшая волхва сила демонская открывает Валааму непреборимость и непобедимость народа Божия.

А мы, принаровляя историю к исследованному доселе, утверждаем, что намеревающийся проклясть живущих добродетельно не может произнести ни одного огорчительного и противного слова, но проклятие обращает в благословение. Разумеется же под сим то, что живущих добродетельно не касается укоризна злоречия. Ибо как не стяжателя укорить в любостязательности? Как об отшельнике и живущем уединенно распускать кому либо слух, что он живет распутно? или о кротком, что он раздражителен? Или о смиренномудренном, что он кичлив? или иное что укоризненное разглашать о людях, которые известны с противной стороны, у которых та и цель, чтобы представить жизнь неуловимую для насмешника, да посрамится, как говорит Апостол, чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого (Тит. 2,8). Посему и

голос призванного для проклятия произносит: Как прокляну я? Бог не проклинает его. Как изреку зло? Господь не изрекает [на него] зла (Чис. 23,8)? то есть, как буду злословить не давшего пищи злословию? У него, поскольку взор обращен к Богу, то и жизнь неуязвима пороком.

Впрочем, изобретатель зла, когда не успел в этом, не вовсе перестает примышлять козни тем, на кого злоумышлял, а напротив того обращает изобретательность на особую военную хитрость, уловляет естество человеческое в порок приманкою удовольствий. И действительно удовольствие, подобно какой-то приманке, ко всякому пороку, как скоро поставлено на вид, жадные души удобно привлекает удою погибели; особливо же естество наше без всякой какой-то осторожности вовлекается во зло сладострастием. Так было и тогда; тех, которые преодолели оружием, показали, что всякое приращение железа уступает крепостью собственной их силе, стремительно обратили в бегство со противные дружины, – их самих сладострастие уязвило женскими стрелами. И победившие мужей уступили победу женам. Едва только показались пред ними женщины, вместо оружия противопоставили им свои лица, и они немедленно забыли о силе мужества, раздражение их переменилось в желание нравиться. И в такое пришли состояние, в каком естественно быть до неистовства предавшимся беззаконному смешению с иноплеменницами. Освоение же со злом стало отчуждением помощи доброго; потому что вскоре восстало на них Божество. Но ревнитель Финеес не ждал, чтобы грех был очищен по приговору свыше; напротив того сам соделался и судиею и исполнителем казни. Подвигшись гневом на неистовых, исполнил он дело иерея, кровью очистив грех, и кровью не какого либо невинного животного, не принявшего на себя никакой скверны непотребства, но кровью совокупившихся между собою в грехе. И копье, пронзившее два их тела, успокоило готовое подвигнуться на них Божие правосудие, наслаждение согрешивших слив в едино с их смертью. Но мне кажется, что история сия предлагает вместе людям душеполезный некий совет, научающий нас, что из многих страстей, поборающих человеческие помыслы, ни одна не имеет на нас такой силы, чтобы равняться ей с недугом сладострастия. Ибо что и эти Израильтяне, которые показали себя не убоявшимися египетской конницы, победили Амаликитян, соделались страшными и после них следовавшему народу, а потом преодолели дружину Маданитян, – и они самые внезапно, при одном воззрении на иноплеменных женщин, поработились сему недугу, и сим, как сказано, не иное что доказывают, а только то, что сладострастие – такой наш враг, который с трудом поборается и преодолевается, который, одним своим появлением одержав верх над непобедимым оружием, воздвиг памятник их бесчестия, стыд побежденных предав позору, при свидетельстве дневного света. Сладострастие в скотов преобразило людей, которых скотское и неразумное стремление к непотребству убедило забыть человеческую свою природу; и они не таят преступления, но величаются бесчестием страсти, утешаются скверною срама, подобно свиньям открыто, в глазах других, валяются в тине нечистоты.

Чему же научаемся из сего повествования? Тому, чтобы, дознав, с какою силою вовлекает в зло недуг сладострастия, как можно дальше, от подобного соседства устранили мы жизнь свою, и чтобы не мог, каким бы то ни было путем, прокрасться к нам этот недуг, подобный какому-то огню, одним приближением производящему губительное запаление. Сему учит Соломон, советуя в книге Премудрости: Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? (Пр. 6,27.28); так как в нашей воле пребывать в бесстрастии, пока мы далеко от поджигающего нас. А если до того сблизимся, что будем касаться этого палящего зноя, то огонь похотения внедрится в нас, и таким образом последует то, что и нога будет обожжена, и недра повреждены. Чтобы вдали берегли мы себя от подобного зла, Господь в Евангелии, собственным словом Своим, как бы некий корень страсти, отсекает пожелание, возбуждаемое зрением, научая, что принявший в себя страсть взором дает путь болезни; потому что лукавые страсти, подобно заразе, как скоро однажды овладеют существенным в человеке, прекращаются только смертью.

Но думаю, что тем, которые целую жизнь Моисееву предложили читателям в образец добродетели, нет нужды длить слово. Кто напрягает силы свои к жизни высокой, тому и сказанное послужит нескучным напутием к истинному любомудрию; а кто изнемог для подвигов добродетели, для того, если написать и во много крат больше сказанного, не будет пользы от этого труда, разве только будет предано забвению то, в чем слово наше, по определению высказанному в предисловии, стоит твердо, а именно: совершенная жизнь такова, что никакое описание совершенства не останавливает дальнейшего преспеяния в оной, но непрестанное возрастание в усовершеннии жизни для души есть путь к совершенству.

Приведя слово к концу Моисеевой жизни, хорошо будет доказать, что сие данное нам правило совершенства несомненно. Ибо кто в течении всей жизни достигает большей и большей высоты столь многими восхождениями, тот не сомневался стать еще выше себя самого, так что жизнь его,

подобно орлу, во всем, думаю, усматривается надоблачною, превыспреннею, парящею в эфире мысленного восхождения. Родился он, когда Египтянами родиться Еврею вменялось в проступок. Мучитель по закону наказывал родившегося. Но Моисей не подчиняется губительному закону, спасенный сперва родителями, а потом и самими постановившими закон; и кому по закону надлежало стараться об его смерти, те приложили все попечение, не только о жизни его, но и о жизни славной, обучая юношу всякой премудрости. После сего ставит он себя выше человеческой почести, преименитее царского сана, признав более могущественным и царственным, вместо звания царского оруженосца, и вместо царских украшений, иметь право стать на страже добродетели и величаться ее велелепием. Потом спасает соплеменника, низлагает же ударом Египтянина, под которыми в нашем последовательном обозрении разумеем мы врага и друга души. После этого преподавателем высоких уроков делает безмолвие, и просвещает ум светом, воссиявшим из кустов. И тогда прилагает старание и соплеменников сделать участниками в дарованных ему свыше благах. При этом представил сугубое доказательство силы, карательное в разнообразных одна за другою последовавших казнях врагам, и благодетельное соплеменникам. Пешим переводит через море многочисленный народ, не отряд

кораблей приготовив для себя, но в Израильянах для плавания оснастил веру. Немокрыню делает для Евреев глубину, а для Египтян море – морем. Воспел и победную песнь, и путеводным был столпом, озаряем небесным огнем, устроил свою трапезу из снеди, подаваемой свыше, утолял жажду камнем, воздевал руки на погибель Амаликитян; и к горе приступает, услышал звук трубы, входит и во мрак, приблизился к Божию естеству, пребывал в горней скинии, придал благолепие священству, устроил скинию, исправил жизнь законами, напоследок, по сказанному, преуспел в войнах. При конце своих преспеяний при помощи священства наказал непотребство: ибо сие дал разуметь гнев Финееса, обнаруженный им против страсти.

В заключение всего этого восходит на гору упокоения, не сходит на дольную землю, к которой по обетованию обращал взоры стоявшими долу народ, не вкушает более земной пищи помышлявший о снеди дождимой свыше, но пребывая ввысь на самой вершине горы, как сведущий какой ваятель, преобразив себя в полное изваяние жизни, в заключение произведения со тщательностью прилагает, не конец, но венец делу всему. Ибо что говорит о нем история? И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню; Моисею было сто двадцать лет, когда он умер; но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась (Втор. 34,5.7).

А из сего научаемся, что за столь многие преспеяния удостоивается тогда этого высокого имени – чтобы называться рабом Божиим, что значит тоже, как и сказать: он стал совершеннее всякого. Ибо никто не возможет служить Богу, разве только тот, кто всех совершеннейшим сделался в мире. У Моисея и конец добродетельной жизни совершился словом Господним. История называет оный кончиною, кончиною живою, за которую не следует погребение, не насыпают могильного холма, не оказывается потемнения в очах и истления в лице. Итак чему же научаемся сказанным? Один конец иметь в виду в продолжение жизни, – чтобы за соделанное нами в жизни быть названу рабом Божиим. Ибо, когда преодолеешь всех врагов, Египтянина, Амаликитянина, Идумея, Маданитянина, перейдешь чрез воду, озаришься облаком, усладишься дровом, испьешь от камня и вкусишь пищи свыше, чистотою и невинностью положишь путь к восхождению на гору, и быв там, посвящен будешь в Божественное таинство при звуке труб, в неудобозримом мраке приблизишься верою к Богу, там обученный таинствам скинии и изучивший сан священства; когда соделаешься каменосечцем сердца своего, чтобы на скрижалях его Богом могли быть начертаны словеса Божии; когда уничтожишь золотой кумир, то есть, изгладишь из жизни похоть любостязания: когда столько возвысишься, что соделаешься непреоборимым для Валаамова волхвования (а слыша о волхвовании разумей многообразную прелесть этой жизни, от которой люди, как бы напоенные из какой-то киркенной чаши, вышедши из собственного своего естества, превращаются в вид бессловесных); когда совершится все это, и прозябнет в тебе жезл священства, не всасывая в себя для прозябания никакой земной влаги, но сам в себе заключая силу плодоношения, и именно принесение в плод ореха, у которого первое, что в нем представляется, горько и твердо, но содержащее в этом сладко и годно в пищу; когда все восстающее против твоего достоинства, приведешь в уничтожение, как Дафана, поглощенного землею, или истребишь огнем, как Корея: тогда приблизишься к концу; концом же называю то, ради чего все делается. Как например: конец земледелия – вкушение плодов; конец постройки дома – обитание в доме; конец торговли – богатство; конец трудов подвижнических – венец: так и конец высокого жития – называться рабом Божиим, под чем разумеется также и то, чтобы не иметь над собою могильной насыпи, то есть, сделать жизнь не влекущею за собой дурных последствий.

Но Писание сказывает другой признак сего рабства, – не потемнение очей и не истление лица.

Ибо оу, которое всегда во свете, как отемнеть от тьмы, которой оно чуждается? И кто во всю жизнь преуспевал в нетлении, тот, конечно, не приемлет в себя никакого тления. Ибо кто действительно создан по образу Божию, и не изменил в себе ни одной Божественной черты; тот носит в себе сии признаки, и подобием во всем соответствует первообразу, нетлением, неизменяемостью и отсутствием всякой примеси порока украшая свою душу.

Вот тебе, человек Божий, Кесарий, предлагается краткое сие наше слово о совершенстве жизни добродетельной, изобразившее жизнь великого Моисея, как некий в лицах первообраз красоты, с которого и мы, каждый порознь, подражанием сим упражнениям, можем изображать в себе очертание показанной нам красоты. Что Моисей преуспел в возможном совершенстве, в этом найдется ли для нас какой свидетель, достовернейший Божия слова, которое говорит ему: и ты приобрел благоволение в очах Моих (Исх. 33,12). И то, что Самим Богом наименован он другом Божиим, и, что, желая лучше погибнуть со всеми, если Бог и им по благоволению не окажет помилования за все, в чем согрешили, остановил гнев на Израильтян, потому что Бог изменил определение Свое, чтобы не огорчить друга, – и это и все сему подобное служит ясным свидетельством и доказательством того, что жизнь Моисея достигла самого крайнего предела совершенства.

Итак, поскольку вопрос у нас был о том, что такое совершенство в добродетельном житии; а по сказанному совершенство сие найдено: то остается тебе, доблестный, иметь пред очами этот образец, и что усмотрено при высшем взгляде на сказанное исторически, применив это к собственной жизни, стараться о том, чтобы познанным быть от Бога и соделаться другом Божиим. Ибо вот в подлинном смысле совершенство – не раболепно, не по страху наказания удаляться от порочной жизни, и не по надежде наград делать добро, с какими нибудь условиями и договорами торгуя добродетельною жизнью; но теряя из вида все, даже что по обетованиям соблюдается надежде, одно только почитать для себя страшным – лишиться Божией дружбы, и одно только признавать драгоценным и вожеленным – соделаться Божиим другом, что, по моему рассуждению, и есть совершенство жизни. Но что может быть найдено тобою твоим умом, превознесенным к более велелепному и Божественному, найдется же и многих.....; то, без сомнения, будет общею пользою для всех о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки, аминь.